

Саймон Купер

СЧАСТЛИВЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Необыкновенная
история
Джорджа Блейка:
ложь, шпионаж
и побег в Россию

CoRpus

ЦЕННО И ПОЗНАВАТЕЛЬНО...
НЕСТАНДАРТНО И ЧЕЛОВЕЧНО.

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

Разведкорпус

Саймон Купер

**Счастливый предатель.
Необыкновенная история
Джорджа Блейка: ложь,
шпионаж и побег в Россию**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 929:351(410)
ББК 67.401.212

Купер С.

Счастливый предатель. Необыкновенная история Джорджа Блейка: ложь, шпионаж и побег в Россию / С. Купер — «Издательство АСТ», 2021 — (Разведкорпус)

ISBN 978-5-17-146078-5

Старший офицер британской разведки Джордж Блейк работал на Советский Союз. В 1961 году его приговорили к 42 годам тюремного заключения за то, что он передал КГБ данные по всем западным операциям, в которых участвовал, и имена сотен британских агентов, работавших за «железным занавесом». Это был самый длительный срок за шпионаж, когда-либо назначенный британским судом. На основании личных интервью с Блейком, собственных исследований и материалов Штази журналист и писатель Саймон Купер прослеживает путь своего героя от скромного подростка, курьера нидерландского подполья, во время Второй мировой войны до заключенного, совершившего сенсационный побег из тюрьмы Уормвуд-Скрабс и окончившего свои дни на подмосковной даче в возрасте 98 лет. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929:351(410)

ББК 67.401.212

ISBN 978-5-17-146078-5

© Купер С., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1. В поисках Блейка	6
Глава 2. Обыкновенный голландский мальчик	12
Глава 3. Еврейский особняк в арабском городе	15
Глава 4. Обман входит в привычку	18
Глава 5. Легендарный центр скрытой власти	23
Глава 6. Обращение узника	29
Глава 7. Обеденный шпион	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Саймон Купер
Счастливый предатель. Необыкновенная
история Джорджа Блейка: ложь,
шпионаж и побег в Россию

© 2021 by Simon Kuper

© П. Жерновская, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023 Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Памеле, Лейле, Лео и Джою

Глава 1. В поисках Блейка

Джордж Блейк уже сорок минут прятался во внутреннем туннеле тюремной стены, подгадывая момент для побега. Снаружи его поджидал сообщник Шон Берк – он должен был перекинуть через стену веревочную лестницу. Но Берк вдруг перестал отвечать. Вымокнув до нитки под проливным дождем, Блейк почти потерял всякую надежду.

22 октября 1966 года, в 18:50, Блейк заподозрил, что ирландец больше на связь не выйдет. Он настолько отчаялся, что уже хотел отключить свою рацию. Раздался сигнал, по которому заключенные должны разойтись по камерам. На семичасовой переключке заметят его исчезновение. О побеге оповестят полицию по всей стране. В 1961 году Блейка, британца голландского происхождения, разоблачили как шпиона КГБ, он стал первым офицером британской Секретной разведывательной службы (СИС, ныне известной как МИ-6), осужденным за измену родине¹. Его приговорили к сорока двум годам заключения, самому длительному тюремному сроку за всю историю Великобритании. Если бы его схватили при побеге из Скрабс, ему неминуемо грозила бы тюрьма строгого режима, где он десятки лет спустя и умер бы, вдали от жены и сыновей.

Где-то без пяти семь Блейк рискнул в последний раз. Используя условленные позывные, он связался с Берком по рации: «Лис-Майкл! НЕМЕДЛЕННО бросай лестницу, немедленно! Больше времени нет! Сейчас же, Лис-Майкл! Ты еще там? Ответь, пожалуйста». Ожидавший его снаружи Берк не был уверен, что поблизости никого нет, но все равно перебросил лестницу через стену². Блейк увидел «змеящуюся лестницу из тонкого нейлона». Настал момент истины. Блейк подбежал к лестнице, взобрался по ней. «Это было на удивление просто», – вспоминал он годы спустя. Берк, едва заведя его наверху, закричал: «Прыгай, прыгай, Христа ради, прыгай!»³ Блейк спрыгнул, и, миновав неуклюжую попытку Берка подстраховать его, неудачно приземлился на дорогу, сломав запястье и поранив лоб. Минуту он пролежал без движения. Затем Берк запихнул его в свой старый «хамбер» и помчался в квартиру, арендованную всего в паре сотен ярдов от Скрабс. Улицы Западного Лондона почти опустели. Благодаря дождю тот вечер был просто идеален для побега⁴.

Через сорок пять минут тюремщики обнаружили веревочную лестницу и валявшийся у внешней стены тюрьмы, словно улика из романов Агаты Кристи, букет розовых хризантем.

Сокамерники Блейка ликовали, узнав о его побеге⁵. Зенон, герой войны, сидевший в Скрабс за убийство любовника своей бывшей пассии, писал:

За все годы, что я провел здесь, произошло порядка ста побегов, но такую реакцию я видел впервые. Прислушавшись, можно было разобрать слова и обрывки разговоров.

...«Он их сделал...» А потом откуда-то из дальнего южного крыла тюрьмы донеслось пение: «Какой же он славный парень!» ...Я всегда знал, что его здесь любят, но до сих пор не доводилось оценить размах этой любви⁶.

¹ West N. *At Her Majesty's Secret Service: The Chiefs of Britain's Intelligence Agency, MI6*. Barnsley, 2016.

² Рассказ о побеге см в: Hermiston R. *The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake*. London, 2013. P. 286–287; а также в: Blake G. *No Other Choice*. New York, 1990. P. 230–33.

³ O'Connor K. *Blake, Bourke & The End of Empires*. London, 2003. P. 187–188.

⁴ Mountbatten L. 'Report of the Inquiry into Prison Escapes and Security'.

⁵ Playfair G. *Wormwood* // *Spectator*. 1969. 30 января.

⁶ Randle M., Pottle P. *The Blake Escape: How We Freed George Blake – And Why*. London, 1989. P. 112–13.

«Шпион Блейк совершил побег из камеры Скрабс, подпилив прутья решетки», – гласил заголовок передовицы *Observer* на следующее утро⁷. Газета напоминала читателям, что на суде в 1961 году Блейк «признал, что все до единого документы любой важности, к которым у него как у сотрудника разведки был доступ, он передавал своему русскому связному».

Образ двойного агента дополняли кое-какие личные детали, которыми с газетой поделился недавно освободившийся из Скрабс взломщик сейфов: «Он был патриотом Британии. Да, он был коммунистом, но идейным... Заключенные его очень любили... Я знал тех, кто брал у него уроки арабского, французского и немецкого».

Полиция установила наблюдение за аэропортами, портами южного побережья и посольствами коммунистических государств в Лондоне. Пресс-секретарь советского посольства сообщил *Observer*: «Нам сказать нечего. С чего вы взяли, что он обратился к нам?»

* * *

Я заинтересовался Блейком в 1999 году, наткнувшись на его интервью голландскому журналу, которое он дал, находясь в московской ссылке. Меня тут же потрясло сходство между нашим прошлым. Нас объединяло британское, еврейское и космополитичное происхождение, мы оба выросли в Нидерландах.

Он прожил незаурядную жизнь, а я почти ничего о нем не слышал. На первые полосы мировых изданий Блейк впервые попал в 1961 году, когда его посадили, а потом – когда сбежал из тюрьмы. Но после исчезновения из Скрабс о двойном агенте практически не вспоминали, словно этого проходного персонажа минувшего века давно уже не было в живых. Я начал читать о его жизни и обнаружил заманчивый состав второстепенных действующих лиц – от Альфреда Хичкока до Владимира Путина.

Тогда, в 2004 году, я встретился с Дерком Сауэром, голландцем, перебравшимся в Россию в 1989 году и ставшим в Москве медиамагнатом (мало того, что он основал газету *Moscow Times*, ему пришла еще и блестящая идея создать российские редакции *Cosmopolitan* и *Playboy*). Сауэр, и сам увлекавшийся в юности маоизмом, подружился со своим соотечественником – московским голландцем. Их семьи не раз праздновали вместе *Sinterklaas*, голландский День святого Николая. В мае 2012 года, отправляясь в Москву на конференцию, я спросил у Сауэра, не согласится ли Блейк дать мне интервью.

Блейк не раздавал интервью направо и налево. Шпион по профессии, он был скрытен по своей природе⁸. Если не считать непродолжительного периода в 1990 году, когда он презентовал автобиографию, с англоязычными журналистами он общался очень редко (и всегда, «из любезности», сообщал о своих интервью КГБ)⁹.

К тому моменту, когда я стал его разыскивать, у Блейка появилась новая причина избегать журналистов: он не хотел, чтобы ему задавали вопросы о Путине. Даже храня до сих пор верность некоторым коммунистическим идеалам, в душе Блейк превратился в мирного демократа и недолюбливал коллегу-выпускника из КГБ. Как бы то ни было, Путин мог лишить Блейка и его жену дачи и пенсий, и задевать его бывшему шпиону не хотелось.

Перед тем как согласиться на интервью, он настоял на возможности опросить меня. Я позвонил ему в оговоренное время с российского мобильного телефона одного моего друга. Я стоял посреди Новодевичьего кладбища в Москве – искал могилы Чехова и Никиты Хрущева. По телефону мы с Блейком говорили по-голландски. В его речи угадывались нотки довоенного шика и жесткие тона родного Роттердама. Он был словоохотлив и смешлив. Старательно обхо-

⁷ Deeley P. *Blake the Spy Escapes from Scrubs Cell* // *Observer*. 1966. 23 октября.

⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 18–19.

⁹ Verbeek E. 'Spion voor een verloren zaak', *HP/De Tijd*. 1991. 13 сентября.

дил тему Путина, поэтому в конце я сам ее поднял, пообещав не задавать вопросов о современной российской политике.

Другим препятствием для интервью, сообщил он мне, извиняясь, была его семья. Он сказал, что трое его сыновей в Великобритании (представители истеблишмента) не любили, когда в газетах появлялись статьи об их отце – советском шпионе (на самом деле, как я узнал позже, по всей видимости, лишних упоминаний этой истории старательно избегала их мать Джиллиан, бывшая жена Блейка¹⁰).

Я согласился опубликовать наше интервью только по-голландски. Блейку этого было достаточно, и он пригласил меня к себе домой. Думаю, он так поступил, потому что доверял Сауэру и ему понравилась мысль, что после семидесяти лет разлуки о нем смогут прочитать жители его родной страны.

Позже я согласовал с Сауэром разрешение опубликовать материал на английском после смерти Блейка, когда его семья неизбежно столкнется с повышенным вниманием прессы, вне зависимости от того, напишу я что-либо или нет. Решение публиковать по-английски далось мне нелегко. Отчасти я исходил из вполне понятного самолюбия: мне хотелось написать эту книгу. С другой стороны, казалось, что Блейк обязан дать британцам какое-то объяснение.

На следующий день после нашего телефонного разговора на кладбище русский водитель Сауэра заехал за мной к гостинице «Украина», образцу сталинского ампира у Москвы-реки, и повез за город на дачу Блейка, дом, где прежде тот бывал лишь по выходным, а к 2012 году жил постоянно. Даже в субботу утром мы попали в пробки, но приехали раньше назначенного времени, и я успел немного посидеть на солнышке в местном парке. Все здесь напоминало пригород Лондона или Парижа. Вокруг детской площадки стояли приятные белые многоквартирные дома. Мимо шли по-западному одетые люди: девушка на пробежке, мужчина с коляской, мальчик в бейсболке на велосипеде со вспомогательными колесиками. Были и явно советские персонажи: опирающаяся на трость бабушка с гнилыми зубами болтала на скамейке со сторожем парка; мужчина с полиэтиленовым пакетом похмелялся утренней порцией пива. Только потом понимаешь, как безоблачно было то весеннее утро в России 2012 года, когда нефть стоила больше 100 долларов за баррель, а Путин еще не напал на Украину.

Оттуда я пешком добрался до дома Блейка. На тихой засаженной деревьями улице меня ждал маленький старичок, опиравшийся на трость с набалдашником в форме собачьей головы. Всклокоченная борода, вставные зубы, большие уши, пигментные пятна, домашние тапочки на ногах – от прежней щеголеватости Джорджа Блейка не осталось и следа, зато до сих пор чувствовалось обаяние авантюриста. Открыв калитку, он впустил меня в свой просторный сад. На веревке сохло белье, на солнце валялся футбольный мяч внука, от комаров было некуда деться.

Снаружи дача была покрашена в салатовый цвет. «Вы не поверите, этот дом еще дореволюционной постройки», – изумлялся его хозяин¹¹. Здесь чета Блейков развлекала по выходным в 1970-е Кима Филби до тех пор, пока перебежчики не разругались.

Из дома вышли русская жена Блейка Ида и его шумный маленький терьер. Блейк повел меня на веранду. Многие стоявшие на полках книги были из библиотеки, оставленной ему в наследство близким другом и коллегой – советским агентом Дональдом Макклином. Старые переплеты без суперобложек – «Зулейка Добсон» Макса Бирбома, Фолкнер, Г. Г. Уэллс, биография Диккенса, «Жизнь и учение Карла Маркса» некоего Льюиса – соседствовали с трудами по истории голландского Сопротивления. На подоконнике стояла кукла британского бифитера в красном камзоле – возможно, как напоминание о заключении Блейка в Лондоне за государственную измену или просто как сувенир.

¹⁰ Mendick R., Parfitt T. *My Father the Russian Spy*, by Anglican Curate from Guildford // Sunday Telegraph. 2012. 11 ноября.

¹¹ GB49 [GB обозначает расшифровку интервью на голландском].

Ида принесла нам чай и сэндвичи с саями («бутерброды», как она назвала их по-русски). Свою порцию получила и собака, устраивавшаяся спать у наших ног. Я и Блейк сели рядом на диване, чтобы он слышал меня. Его голубые глаза покраснели. «Я вас не вижу, – уточнил он. – Вижу, что кто-то сидит, но кто это и каков человек на вид, разобрать не могу»¹².

На момент нашей встречи Блейку было восемьдесят девять лет, из всех британских шпионов, перебежавших в Москву, в живых теперь оставался только он один. Когда он прибыл в СССР в 1967 году после побега из тюрьмы, Гай Берджесс уже умер. Маклин и Филби умерли в Москве в 1980-е.

Я спросил Блейка, на каком языке он предпочитает общаться – голландском или английском. Он – по-голландски – ответил: «Когда мне выдается такая возможность – а случается это очень редко, – мне доставляет большое удовольствие говорить по-голландски. Возможно, так мне комфортнее всего». Он добавил, что по-русски говорит «с голландским акцентом. Я говорю на нем очень... хм, – и тут он на мгновение переключился на английский, – *свободно*. С женой, детьми, внуком, с невесткой»¹³.

Я провел с Блейком около трех часов, пытаясь навести его на размышления об истории его жизни: от участника голландского Сопротивления во Второй мировой войне до британского шпиона и полковника КГБ. Сауэр впоследствии рассказал мне, что это интервью окажется последним в жизни Блейка. Я вырос в Лейдене, в двадцати милях от родного дома Блейка в Роттердаме. За время, что мы провели вместе, мне показалось, что язык и общие корни в каком-то смысле сблизили нас. У носителя голландского языка, живущего там, где почти никто не знает голландского – как это было в течение большей части взрослой жизни Блейка и моей собственной, – может сложиться впечатление, будто он владеет каким-то тайным языком и издали наблюдает за всеми остальными. Когда встречаешь собеседника, говорящего по-голландски, эта дистанция сокращается. Такое взаимопонимание завораживало, но вызывало одновременно и тревогу: я не хотел поддаваться обаянию Блейка.

* * *

История Блейка сейчас известна немногим, да и то лишь в той мере, в какой можно что-то точно знать в лживом мире шпионажа. Его до сих пор окружает много тайн. МИ-6 так и не обнародовала досье агента и, возможно, никогда этого не сделает, ведь его дело поставило всю службу в крайне неловкое положение.

Вдобавок Блейка мало кто знал близко. Он с детства был одиночкой, а за те десять лет, что он был советским кротом, даже его собственной жене, несмотря на всю его любезность, стало казаться, будто он от нее отдаляется. Жена Дональда Маклина Мелинда говорила своей матери: «Наверное, можно долго быть замужем за мужчиной и так и не узнать, какой он на самом деле»¹⁴. Третья жена Филби Элинора писала о нем, что «никто не может подлинно знать другого человека»¹⁵ (с другой стороны, Гай Берджесс, выпив, любил похвастать, что он русский шпион¹⁶).

В свою бытность двойным агентом Блейк жил под усиленным прикрытием. Снаружи он притворялся британским дипломатом, а не британским шпионом; но если копнуть глубже – разыгрывал, будто он британский шпион, не советский. Нельзя было терять бдительность. Уже потом, в тюрьме, он постоянно втайне продумывал свой побег. Разумеется, пока он в сорок

¹² GB41.

¹³ GB56–57.

¹⁴ Cecil R. *A Divided Life: A Biography of Donald Maclean*. New York, 1989. P. 156.

¹⁵ Philipps R. *A Spy Named Orphan*. London, 2018. P. 375.

¹⁶ Buruma I. *The Weird Success of Guy Burgess* // New York Review of Books. 2016. 22 декабря.

три года не сбежал из Скрабс, хорошо его знала лишь его мать Катарина. Неудивительно, что мнения сталкивавшихся с Блейком людей разнились: кто называл его приятным и обаятельным, а кто занудой.

Единственный способ понять человека в высшей степени космополитичного – обратиться к международным источникам. Поскольку своим выходом из сферы анонимности Блейк подорвал британскую национальную идеологию, его действия пытались трактовать преимущественно британские авторы, которые опирались на британские источники. В случае Блейка этот подход не годится. Он любил Британию (или Англию, как он всегда ее называл), но не был ею одержим. Самым длительным его пребыванием там стали пять лет в Уормвуд-Скрабс.

В этой книге я использовал свидетельства о раннем этапе жизни Блейка, свое интервью с ним, а также голландские, немецкие, французские и русские источники. Блейк чувствовал себя раскованнее, давая интервью не по-английски, – так ему не приходилось волноваться, что пресса побеспокоит его родных в Британии.

Я также широко использовал берлинский архив Штази, тайной полиции Восточной Германии. Архивариусы прислали мне тысячи страниц материалов о Блейке (среди них, как ни странно, множество заметок из западногерманской прессы, которые восточногерманские шпионы, по-видимому, вырезали из империалистических СМИ). В период с 1976-го по 1981-й Блейк как минимум четырежды побывал в Восточной Германии как звезда разведки, где знакомился с руководством Штази и читал его подчиненным лекции о своей жизни.

Во внутреннем рапорте Штази о его визите во Франкфурт-на-Одере в 1976 году отмечался героизм «товарища Блейка» и его чувство юмора¹⁷. Тем не менее сопровождавший Блейка офицер Штази заметил:

Внешне в нем не было ничего героического... Маленький, очень стройный, едва ли не тщедушный... потихоньку редееющие черные волнистые волосы, борода.... Человек, который – по его собственному утверждению – ощущает себя психологически и физически молодым, свято верит в йогу, и при этом считает себя достаточно зрелым, чтобы отрастить бороду, хотя, по его словам, решил он на это лишь после того, как ему исполнилось пятьдесят лет¹⁸.

В 1980 и 1981 годах лекции Блейка в Восточной Германии снимали на киноплёнку. Эти записи представляют собой чудесные свидетельства своего времени. На мероприятии 1980 года отставной высокопоставленный сотрудник Штази представляет Блейка слушателям как агента, решившего работать в интересах коммунизма «без нашего вмешательства – одного из тех, кого, как мы говорим, сам бог послал». Собравшиеся дружно гогочут. После этого Блейк выходит на кафедру. Бородка и заостренный подбородок придают его облику нечто сатанинское, но он, как всегда, одет в прекрасный темный костюм-тройку – быть может, из британского гардероба, который он носил еще до 1961 года и который мать привезла ему в Москву. Стоя на фоне огромного флага ГДР, он рассказывает историю своей жизни, свободно, пусть и с голландским акцентом, изъясняясь по-немецки. Восточногерманские начальники, сплошь мужчины в галстуках, сидят перед ним с торжественным и скучающим видом; кто-то то и дело перешептывается и ковыряет в носу. На столе рядом с ними соблазнительно стоят непочатые бутылки пива¹⁹.

То, что Блейк говорил своим коллегам – коммунистическим шпионам за закрытыми дверьми, – раскрывает новые подробности его истории. Но, как бы то ни было, ни один пункт

¹⁷ Архив Штази, MfS Sekr. Neiber 81, 'Eine grossartige Begegnung'.

¹⁸ Архив Штази, MfS Arbeitsbereich NEIBER, 'Vortrag für die Auswertung des Besuches von George Blake', 1977.

¹⁹ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980, онлайн-архив Штази, Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik, MfS HV A/ Vi/15.

из его лекций в Штази не противоречит ни тексту его автобиографии 1990 года (опубликованной на пике советской гласности), ни тому, что он рассказал мне в 2012 году, ни выступлениям его адвоката в суде в 1961 году. Вся жизнь Блейк придерживался вполне последовательной версии истории своей жизни. Он был предателем, но лжецом – вряд ли.

В этой книге я хочу попытаться как-то осмыслить жизнь Блейка. Я хочу понять, как он все это оценивал уже в преклонном возрасте. Старичок, встретивший меня на своей даче, был пережитком холодной войны. Но в то же время и предвестником феномена XXI века, «легионером», выходцем с Запада, который пожертвовал всем в смертельной схватке с западным миром. Его история предвосхищает хакерские атаки России в годы правления Трампа. Блейк выдал Советскому Союзу тайны Запада и несколько сотен британских агентов. Десятки из них, предположительно, оказались казнены. И с этим знанием ему, умному, приветливому, действовавшему, по-видимому, из лучших побуждений человеку, предстояло жить дальше. Так кем же был Джордж Блейк? Какой след он оставил в истории? Сожалел ли он о чем-либо?

Глава 2. Обыкновенный голландский мальчик

Когда мы устроились на террасе, я спросил у Блейка, по чему он скучает, вспоминая свое роттердамское детство. «Ну, разумеется, по родителям, – ответил он, – в первую очередь по матери, я был очень к ней привязан, и она очень любила меня, я унаследовал ее характер»²⁰.

Он родился в голландском портовом городе 11 ноября 1922 года – в День перемирия²¹. Его отец, Альберт Бехар, представитель зажиточной еврейской семьи в Константинополе, служил в Первую мировую войну во французском иностранном легионе и в британской армии. После службы на Западном фронте водителем и военным курьером на мотоцикле²² от осколков шрапнели на обеих щеках у него остались глубокие шрамы, а в газовой атаке сильно пострадали легкие²³. Месяц спустя после перемирия армия направила его в Роттердам, где он помогал высылать британских военнопленных на родину. Здесь он и познакомился с матерью Блейка²⁴. Уже взрослый Блейк будет рассуждать: «Если бы эрцгерцога Фердинанда не застрелили, я бы не появился на свет»²⁵.

В какой-то момент Альберт Бехар обзавелся британским паспортом, и его сын появился на свет британским подданным²⁶. По пути в муниципалитет Альберт в порыве любви к новой родине решил назвать мальчика не Якобом, как они с женой планировали, а Георгом – именем, которое сам Блейк всегда недолюбливал и от которого в дальнейшем отказался.

В воспитании сына и двух дочерей Альберт, похоже, не придерживался ни британских, ни еврейских традиций. Пока Альберт был жив, Джордж ни разу не бывал в Британии. Да и его отец плохо знал эту страну. Впрочем, и в Нидерландах Бехар так до конца и не освоился: по-голландски он почти не говорил, а его дети, разумеется, пока были маленькими, почти не знали английского. Блейк на всю жизнь запомнил момент, когда он силился понять, о чем же просит его отец на смертном одре. Возможно, так зародилась его исступленная страсть к языкам.

Георг Бехар так и не стал гражданином Нидерландов, но рос как «обыкновенный голландский мальчик»²⁷ под надзором матери-голландки, протестантки, представительницы средней буржуазии Катарины Бейдервеллен. Семья жила на небольшой улочке в историческом центре Роттердама. Георгом родные мальчика не называли, предпочитая ему голландское семейное прозвище Пок²⁸. В 1967 году письмо матери, в котором Блейк сообщал ей, что сбежал из британской тюрьмы, он подписал «Пок»²⁹.

После того как Блейка разоблачили как предателя, журналисты отправились на поиски людей, знавших его еще ребенком. Так появился портрет серьезного, вежливого, умного, добросовестного, честного и довольно одинокого мальчика. Дина Регеорт, работавшая горничной в их доме, вспоминала, как юный Георг, облачившись в черное платье и черную шляпу матери, колотил по столу игрушечным молотком, изображая судью, выносящего приговоры к длительным тюремным срокам самой Дине или своим младшим сестрам, Адель и Элизабет³⁰. Сестра

²⁰ GB2.

²¹ 11 ноября 1918 года было подписано Компьенское перемирие, ознаменовавшее конец Первой мировой войны. – *Прим. пер.*

²² Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 3.

²³ Blake G. *No Other Choice*. P. 28, 32.

²⁴ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 3.

²⁵ Bourke S. *The Springing of George Blake*. New York, 1970. P. 210.

²⁶ Blake G. *No Other Choice*. P. 27–30.

²⁷ Olink H. *Meesterspion George Blake, OVT radio programme*, часть 1.

²⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 30; Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 3.

²⁹ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 315–16.

³⁰ Cookridge E. H. *George was schuchter in gezelschap van vrouwen* // *De Telegraaf*. 1967. 19 января.

Дины Йоханна, занявшая место горничной в 1938 году, вспоминала, что Георг был разговорчивым подростком: «Он любил пародировать. Пародировал Гитлера и адвокатов. Он и сам хотел быть адвокатом, по его словам, или пастором»³¹. Порой он рассказывал перед большим зеркалом дома, читая проповеди воображаемой пастве³².

Как Блейк сам позже описывал, он воспитывался «в буржуазных кругах»³³, «консервативных и, можно сказать, религиозных»³⁴. Первой его книгой стала иллюстрированная детская Библия³⁵, и в детстве он был одержим библейскими историями. Он собирался стать *dominee*, священником Голландской реформатской церкви.

«И совершенно сбился с этого пути», – сказал я.

«Слово „сбился“ тут не очень подходит, – ответил Блейк. – Скорее меня с этого пути сбили».

«Кто или что именно?» – спросил я.

«Обстоятельства»³⁶.

Семья матери Блейка принадлежала к арминианской церкви, либеральной и элитной разновидности протестантов, верившей, что Господом предопределено не все происходящее. Арминианцы верили в свободу воли человека. Но Блейк в детстве стал сторонником строго детерминистской ветви кальвинизма – которой, как и его манеры говорить, в современных Нидерландах уже почти нигде не сохранилось. Он просто не мог понять, откуда у человека может взяться свобода воли. В конце концов, все предопределено Богом³⁷. Блейк, вероятно, увлекся этой идеей во многом из-за того, что, как и многие голландцы его поколения, вырос, боготворя королевскую семью Нидерландов, династию Оранских. Как представлялось этому набожному мальчику, члены королевской семьи исповедовали строгую форму кальвинизма, почти не допускавшую свободу воли.

На самом деле его верность религии Оранских объясняется не столь однозначно. Вероятно, он почерпнул ее из детской литературы кальвинистско-националистического толка. Тем не менее в детстве у Блейка сформировались свои взгляды на религию, которые однозначно относили его к лагерю фундаменталистов: «Мой тогдашний выбор вел к искренней вере в предопределение... а позже и к детерминизму»³⁸.

Свой роялизм он сохранит до самого конца. Когда на даче я попросил его назвать своих любимых исторических героев, то ожидал услышать перечень имен искренних борцов за коммунизм вроде Розы Люксембург, а он произнес: «Вильгельм Молчаливый, королева Беатрикс, а здесь – Екатерина Великая»³⁹. Вильгельм Молчаливый возглавил восстание голландцев против испанцев в XVI веке. Вильгельмина была королевой в детстве Блейка. Во время Второй мировой войны она обращалась к оккупированному народу в выпусках «Оранского радио» из Лондона. На кухонном столе Блейка в день нашей встречи лежала книга (подарок Сауэра) в честь семидесятилетия еще занимавшей престол королевы Беатрикс.

В какой-то момент Блейк перестал считать, что Иисус – сын Божий. Как бы то ни было, всю свою жизнь он продолжал верить в предопределение. Он сказал, что единственной молитвой, никогда не терявшей своей значимости для него, были слова «Да будет воля Твоя и на

³¹ Van Geffen W. A. 'We noemden hem Poek', De Telegraaf, 30 декабря 1961.

³² Cookridge E. H. George wilde later theologie studeren // De Telegraaf. 1967. 20 января.

³³ Блейк Дж. Выступление в Штази, 1981, Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik, MfS HV A/Vi/80–81.

³⁴ Блейк Дж. Выступление в Штази, вероятно, 1980.

³⁵ Blake G. *No Other Choice*. P. 34.

³⁶ GB20.

³⁷ Blake G. *No Other Choice*. P. 107.

³⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 107.

³⁹ GB54.

земле, как на небе»⁴⁰. Его автобиография носит детерминистское название «Иного выбора нет», и шпионские байки в ней перемежаются начиненными кальвинизмом теологическими пассажами. Блейк пишет: «Я думаю, что есть оправдание тому, кто говорит: „Вы не можете наказать меня за грехи, потому что они заложены во мне и я не властен над ними“»⁴¹.

Но Блейк не верил, что люди должны просто сидеть и ждать, пока Господь явит им их судьбу. Напротив, они должны сопутствовать его воле, самостоятельно принимая решения⁴². Его детерминистское мировоззрение – единственное, что он сохранит на всю жизнь, – сыграет решающую роль, когда он столкнется с коммунизмом.

Блейк рассказал мне, что он помнил об отце:

У него был небольшой завод, производивший рукавицы для работников роттердамской судоверфи, и он уходил из дома ранним утром, а возвращался около восьми вечера. Тогда он заходил к нам в спальню, укрывал одеялом, целовал на ночь, и только так мы с ним и виделись. Он не отличался крепким здоровьем, потому что был ранен на войне – отравился газом. Поэтому он никогда не играл в нашей жизни столь же значительной роли, как моя мать⁴³.

В 1929 году дела Альберта Бехара пошатнулись из-за краха на Уолл-стрит. В 1936 году, когда Джорджу было тринадцать, хронические болезни Альберта наконец дали о себе знать⁴⁴. До сих пор мальчик еще ни разу не встречался с родственниками отца. Они порвали с Альбертом после того, как тот женился на христианке. Тем не менее, судя по всему, Альберт сказал жене обратиться после его смерти за помощью к его сестре Зефире из Каира. Катарина Бехар так и поступила. Зефира, вышедшая замуж за богатого банкира Даниэля Куриэля, ответила ей. В ее письме сообщалось нечто, ошелолившее Джорджа: Альберт был евреем.

Эта новость пошатнула самовосприятие Джорджа. Альберт давно скрывал свое еврейское происхождение. В британской армии он называл себя католиком, роттердамским властям говорил, что он лютеранин⁴⁵, а в обществе представлялся англичанином, но не евреем⁴⁶.

В письме Зефиры таился еще один сюрприз: она приглашала Джорджа пару лет погостить у них в Каире⁴⁷. Катарина, обедневшая после смерти мужа, это предложение приняла. Сам Джордж жаждал приключений.

⁴⁰ Olink H. *Meesterspion George Blake, OVT radio programme*.

⁴¹ Blake G. *No Other Choice*.

⁴² Randle M., Pottle P. *The Blake Escape*. P. 43.

⁴³ GB29-30.

⁴⁴ Blake G. *No Other Choice*. P. 36-37.

⁴⁵ Blake G. *No Other Choice*. P. 4.

⁴⁶ Olink H. *Meesterspion George Blake, OVT radio programme*, часть 1.

⁴⁷ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P 8.

Глава 3. Еврейский особняк в арабском городе

Наверное, Зефира Куриэль надеялась, что племянник поможет заполнить пустоту после смерти ее четырехлетней дочери⁴⁸. Куриэли уже не раз брали под опеку беспризорников и сирот: за несколько лет до приезда Джорджа Даниэль взял на воспитание мальчика из еврейского сиротского дома в Каире и заставлял своих сыновей Рауля и Анри отдавать тому десять процентов от карманных денег. Раз в неделю сирота посещал особняк Куриэлей, где устраивались неловкие детские праздники⁴⁹.

В сентябре 1936 года, спустя пять месяцев после смерти отца, Джордж сел на корабль, следовавший в Египет⁵⁰. Тринадцатилетний голландец вдруг оказался в Замалеке, самом роскошном квартале Каира⁵¹, где посреди пальмового парка стоял охрово-зеленый особняк еврейской семьи.

Рауль Куриэль вспоминал потом, что по стандартам их сословия они жили довольно аскетично: «У нас было с десяток слуг, не сказать, чтобы слишком много»⁵². Куриэли были франкофонами: они преклонялись перед французской литературой, проводили лето во Франции и жили в отдалении от родного Египта⁵³. Как писал Жиль Перро, биограф кузена Джорджа Анри Куриэля, «животом они были в Каире, а сердцем – в Париже»⁵⁴.

Хотя их предки прибыли в Египет больше века назад, паспорта у Куриэлей были итальянские (город Ливорно, где в какой-то момент сгорели муниципальные архивы, по запросу свободно выдавал итальянское свидетельство о рождении, чем и воспользовались многие египетские евреи⁵⁵).

Куриэли устроили Джорджа сначала в английскую, а потом во французскую школу, и он быстро овладел обоими языками. К весне 1937 года в английской школе, всего через несколько месяцев после приезда в Египет, в классе из тридцати четырех человек он занимал четвертое место в табеле успеваемости. Директор писал в его школьном досье: «Его работа удовлетворительна по всем предметам и сулит дальнейшие успехи в будущем»⁵⁶.

Однако переезд из Роттердама в Каир эмоционально истощил его. В дальнейшем Блейк писал: «Я уверен, что пережил в те годы кризис самоопределения. Где же было мое место? Еврейский космополитичный дом, английская школа, отражавшая британскую имперскую мощь, к которой и я ощущал свою причастность, а в сердце – постоянная тоска по Голландии и всему голландскому»⁵⁷.

В библиотеке виллы Куриэль (под этим названием ее и знали⁵⁸) хранились тысячи книг, в доме горячо спорили о политике⁵⁹. Куриэли были гостеприимными хозяевами, друзья, преимущественно евреи, часто заходили к ним поужинать и поговорить⁶⁰. В центре внимания был кузен Джорджа Анри – восьмью годами старше него, высокий, стройный, вечно носив-

⁴⁸ Perrault G. *Un homme à part*. Paris, 1984. P. 48.

⁴⁹ Perrault G. *Un homme à part*. Paris, 1984. P. 60.

⁵⁰ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 9–11.

⁵¹ Perrault G. *Un homme à part*. P. 48–49.

⁵² Perrault G. *Un homme à part*. P. 50.

⁵³ Perrault G. *Henri Curiel, citoyen du tiers-monde* // *Le Monde Diplomatique*. 1998. Avril.

⁵⁴ Perrault G. *Un homme à part* P. 59; 52–53.

⁵⁵ Perrault G. *Un homme à part* P. 52–3.

⁵⁶ Blake G. *Portret van een spion* // *De Telegraaf*. 19761. 23 декабря.

⁵⁷ Blake G. *No Other Choice*. P. 44.

⁵⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 39.

⁵⁹ Perrault G. *Un homme à part*. P. 55.

⁶⁰ Perrault G. *Henri Curiel, citoyen du tiers-monde*.

ший шорты и сандалии – эксцентричный наряд по меркам Каира 1930-х годов⁶¹. «Неотразимое обаяние и ослепительная улыбка располагали к нему всех – не только женщин», – вспоминал потом Блейк. «В каком-то смысле он был для меня героем»⁶². Анри был харизматичным экстравертом. Воспитанному в кальвинистской строгости мальчику вряд ли доводилось до этого встречать подобных людей. Старшему кузену суждено сыграть в жизни Блейка важную роль (которую, однако, часто расценивают неверно).

Как и Блейк, Анри получил отчасти христианское образование: он учился в иезуитском *lycée*⁶³, после чего отец решил приобщить его к банковскому делу, и сын нехотя повиновался. Как бы то ни было, он безусловно был интеллектуалом, но знатоком в первую очередь не арабской, а французской культуры, и на арабском языке на тот момент почти не говорил. В 1937 и 1938 году, когда Блейк гостил в Каире, Анри читал коммунистическую литературу и постепенно приобщался к марксизму⁶⁴.

Неутомимый ловелас и завсегдатай борделей,⁶⁵ со своей будущей женой, медсестрой Розетт Аладьем, Анри познакомился, когда она делала ему ежедневные уколы от плеврита. По ее просьбе он вместе с ней стал навещать египетских крестьян, возделывавших обширные угодья Куриэлей в дельте Нила. Порой молодую пару сопровождал Блейк⁶⁶. Анри был поражен тем, что увидел на отцовских землях, пишет Жиль Перро:

Наемный работник обходился дешевле, чем осел напрокат. На принадлежавших их семье хлопковых фабриках под хлыстами европейских надсмотрщиков трудились дети от семи до тринадцати лет... Целые деревни погибали от малярии⁶⁷.

Чаще всего Розетт лечила своих подопечных от трахомы и бильгарциоза⁶⁸. Средняя продолжительность жизни в Египте того времени составляла от тридцати до тридцати трех лет⁶⁹.

Именно такие условия – невероятные привилегии бок о бок с невообразимыми страданиями – неизбежно подталкивали к радикальным идеям и самых богатых, и самых бедных. Много позже Розетт отметит: «Думаю, [Анри] так и не оправился от шока, который испытал при виде египетской нищеты»⁷⁰. В отличие от большинства зажиточных современников-европейцев, Куриэль и Блейк в юном возрасте своими глазами увидели смертельную нищету. Вот та самая эксплуатация, о которой говорил Маркс, – а эксплуататорами оказались родные самих Джорджа и Анри. В их случае стремление искупить вину было вполне естественно⁷¹. Говоря о советских двойных агентах из «кембриджской пятерки», Блейк подразумевал, возможно, и радикальное окружение своего кузена: «Дональд [Маклин] и его соратники, как выходцы из благополучных и даже богатых семей, чувствовали себя виноватыми, ответственными за нищенскую жизнь большинства людей»⁷².

⁶¹ Perrault G. *Un homme 4 part*. P. 72–73.

⁶² Lallaoui M. *Henri Curiel: Itinéraire d'un combattant de la paix et de la liberté, Mémoires Vives productions*. Paris, 2001.

⁶³ Perrault G. *Un homme à part*. P. 60.

⁶⁴ Blake G. *No Other Choice*. P. 44–45; Nagasawa E. *Henri Curiel: A Jewish Egyptian Dedicated to Peace and Socialism* // *Mediterranean Review*. 2016. Vol. 9. № 1. P. 83.

⁶⁵ Perrault. *Un homme à part*. P. 73.

⁶⁶ Blake G. *No Other Choice*. P. 45.

⁶⁷ Perrault G. *Henri Curiel, citoyen du tiers-monde*.

⁶⁸ Perrault G. *Un homme à part*. P. 74.

⁶⁹ Riley J C. 'Bibliography of Works Providing Estimates of Life Expectancy at Birth and Estimates of the Beginning Period of Health Transitions in Countries with a Population in 2000 of at Least 400,000' at <http://www.lifetable.de/data/rileybib.pdf>.

⁷⁰ Perrault G. *Un homme à part*. P. 75.

⁷¹ Perrault G. *Henri Curiel, citoyen du tiers-monde*.

⁷² Черкасов П. *Вторая жизнь «Гомера»* // *Известия*. 2003. 21 мая.

Конец 1930-х годов стал пиком увлечения коммунизмом среди интеллектуальной молодежи по всему миру. Многие из буржуазных сверстников Анри в Каире тоже обратились к новой идеологии, хотя их взгляды в первую очередь объяснялись антифашистскими настроениями, а не столкновением с бедностью⁷³.

Наперекор отцу, ярому противнику большевизма, Анри выдавал египетским крестьянам капли для глаз и лекарства. Как бы то ни было, вскоре молодой человек решил, что одной благотворительности недостаточно – нужны революционные перемены. Блейк пишет о своем кузене: «Потом он стал одним из создателей коммунистической партии Египта»⁷⁴.

Это утверждение повторяется даже в трудах самых осведомленных англоязычных авторов, писавших о Блейке⁷⁵. Но, как следует из работы Перро, это не так, пусть Анри, судя по всему, и имел косвенное отношение к созданию коммунистической партии в соседнем Судане. В Египте коммунисты сформировали партию в 1920-е годы, но просуществовала она недолго⁷⁶. В 1943 году Анри основал не коммунистическую партию, а антиколониальное движение ХАМЕТУ⁷⁷. Он решил, что в первую очередь Египет следует освободить от *de facto* британского правления – такова, как он полагал, воля народа⁷⁸. Для коммунизма наступит свое время. Так Анри стал гражданином Египта (первым в их семье)⁷⁹ и постепенно вполне неплохо, пусть и со странным акцентом, заговорил по-арабски⁸⁰. В 1947 году ХАМЕТУ объединилось с конкурирующей группировкой «Искра» (под предводительством другого каирского еврея, Гиллеля Шварца), став Демократическим движением за национальное освобождение. Куриэль некоторое время руководил им, пока арабские соперники не восстали против этого «иностранного предводительства»⁸¹.

Как бы то ни было, Куриэль был, судя по всему, первым коммунистом, с которым жизнь свела Блейка, и он славился своим даром убеждения. Близкие друзья и родственники часто становятся лучшими вербовщиками в радикальных идеологиях. Среди современных европейских джихадистов «много пар братьев: Куаши, Абдеслам», отмечает французский исследователь ислама Оливье Руа⁸².

Анри изложил свои новые убеждения юному кузену, который все схватывал на лету⁸³. Блейк в дальнейшем писал: «Его пример и наши с ним споры не оказали на меня почти никакого влияния»⁸⁴. Да, Куриэль действительно не обратил его в свою веру: подрастающий Блейк до сих пор считал коммунизм врагом Бога⁸⁵. Однако все, что Блейк увидел в Каире, по-видимому, повлияло на него больше, чем Куриэль, и годы спустя эта тлеющая искра разгорелась в пламя.

Каир сыграл в жизни Блейка еще одну важную роль: именно здесь он, как и его отец, стал космополитом. Проведенные в Египте годы научили его, что положительный настрой и способности к языкам помогут ему справиться с трудностями в любой стране мира.

⁷³ Nagasawa E. *Henri Curiel*. P. 83–84.

⁷⁴ Blake G. *No Other Choice*.

⁷⁵ См., к примеру: Andrew Ch. *The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5*. London, 2010. P. 488.

⁷⁶ Perrault G. *Un homme à part*. P. 85.

⁷⁷ Bein J. *The Dispersion of Egyptian Jewry: Culture, Politics, and the Formation of a Modern Diaspora* Cairo, 2005. P. 143.

⁷⁸ Bein J. *The Dispersion of Egyptian Jewry: Culture, Politics, and the Formation of a Modern Diaspora* Cairo, 2005. P. 143.

⁷⁹ Shatz A. *Unpublished essay on Henri Curiel*. Undated.

⁸⁰ Perrault G. *Un homme à part*. P. 108.

⁸¹ Nagasawa E. *Henri Curiel*. P. 86.

⁸² Roy O. *International Terrorism* // ВКА autumn conference, 18–19.11.2015.

⁸³ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

⁸⁴ Blake G. *No Other Choice*. P. 45.

⁸⁵ Blake G. *No Other Choice*. P. 45.

Глава 4. Обман входит в привычку

В сентябре 1939 года, когда разразилась Вторая мировая война, Блейк проводил летние каникулы в Роттердаме. Было решено, что он останется с семьей в Нидерландах. В Каире, пишет Перро (предположительно, на основе воспоминаний Рауля Куриэля), «об усердном, чопорном, занудливом младшем кузене скоро позабыли»⁸⁶ (наверное, о самих неподражаемых светских Куриэлях это описание говорит не меньше, чем о голландском подростке-кальвинисте).

Во время налетов люфтваффе на Роттердам в мае 1940 года Георг Бехар прятался под кухонным столом на корточках в бабушкином доме, прикрывая голову сковородой. За один день старый центр его родного города был уничтожен. Нидерланды немедленно капитулировали.

Во время бомбежек мать и сестры Блейка оказались в Гааге. Несколько дней спустя он отправился на велосипеде проведать их и обнаружил, что семья уехала, оставив на столе лишь «грязные чайные чашки»⁸⁷. Сосед рассказал ошарашенному юноше, что они сели на корабль в Англию. Немцы к тому времени уже взяли Нидерланды под свой контроль, и пересечь Северное море Джордж уже не мог. Как бы то ни было, он не хотел покидать свою страну: «Для меня это значило бы бежать с тонущего корабля». Они с бабушкой перебрались к дяде, который жил в сельской местности на востоке Нидерландов, неподалеку от городка Зютфен.

Блейк был ненадолго интернирован наряду с другими британцами и французами, жившими в Нидерландах, но менее чем через месяц его освободили: ему было всего семнадцать, а немцы не сомневались в скорой победе. Однако в ноябре 1940 года, в день своего восемнадцатилетия, Блейк стал врагом-иностранцем призывного возраста. «Я не мог жить обычной жизнью, — рассказывал он сорок лет спустя агентам Штази. — С тех пор я перешел на нелегальное положение»⁸⁸. Ситуацию могло усугубить еще и еврейское происхождение, но в беседах со Штази Блейк об этом ни разу не упоминал. На ранних этапах войны в Нидерландах формировалось движение Сопротивления. Разумеется, Георг Бехар, подросток-патриот с еврейской кровью, «ярый сторонник Британии»⁸⁹, не мог не вступить в его ряды. Большое впечатление на него произвел в Зютфене пастор, который был известен связями с Сопротивлением.

Сидя на диване в Москве, Блейк переживал: «Как же его звали? Понимаете, я так хорошо знаю этого человека, а теперь не помню, как его звали».

Все это было семьдесят лет назад, утешал я его. В автобиографии Блейк называет пастора Николаас Падт.

Блейк продолжал:

Он учил нас катехизису, читал в зютфенской церкви чудесные проповеди и при этом боролся с немцами. Работать мне тогда не требовалось, к тому же я и так уже жил на нелегальном положении, поэтому и сказал, что мог бы принести пользу подполью. Ведь я выглядел моложе своих лет, как неловкий школьник, и мог свободно разъезжать по стране, распространяя информацию и листовки. И в этом он мне помог⁹⁰.

⁸⁶ Perrault G. *Un homme à part*. P. 569.

⁸⁷ События из этого абзаца описаны в Blake G. *No Other Choice*. P. 49–51.

⁸⁸ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

⁸⁹ Blake G. *No Other Choice*. P. 55.

⁹⁰ GB16.

Из рассказа Блейка вырисовывается образ настоящего Тинтина, мальчика в брюках-гольф, который едет в поезде с портфелем, где спрятаны секретные документы для борьбы со злом⁹¹. Обман вошел в привычку⁹². Мало кто из тайных агентов так рано начал свою карьеру. То, что большинству людей покажется странной профессией, юному Георгу Бехару вскоре будет представляться самым обычным делом. Он привык рисковать собственной жизнью в идеологическом столкновении.

Подпольная работа велась с учетом местных особенностей. Нидерланды, вспоминал Блейк в дальнейшем, «совершенно непригодны к партизанской войне» из-за отсутствия гор или густых лесов, где бы могли укрыться ополченцы. Задача местного сопротивления в военное время состояла, таким образом, в мобилизации населения на борьбу на стороне союзников, а главное, в поддержании надежды, что рано или поздно Гитлер будет разбит⁹³. Юный Георг работал посыльным подпольного объединения *Vrij Nederland* («Свободные Нидерланды»), распространяя одноименную нелегальную газету⁹⁴ (*Vrij Nederland* существует – еле-еле – и по сей день в виде маленького ежемесячного левацкого аналитического журнала). Как-то раз на трамвайной остановке в северном Ассене Блейка едва не разоблачили, когда из-под его пуловера выпало несколько подпольных газет. Но ждавший трамвая пожилой немецкий офицер любезно помог ему их поднять⁹⁵. Кроме своей нелегальной работы Бехар-Блейк помогал на ферме, где он жил, в деревне Хюммело в восточном регионе Ахтерхук («задний угол»). Проживание оплачивал его дядя.

Десятки лет о карьере Блейка в Сопротивлении мы не знали почти ничего, кроме того, что он предпочел сообщить сам. А в 2015 году в Нидерландах издали военный дневник Натали Вестербек ван Эртен-Форе. Форе, жена сельского врача, прежде жила в Хюммело. В мае 1942 года она написала своему сыну Бобби в Южную Африку письмо и в конце добавила постскриптум:

Перечитывая это длинное письмо, я замечаю, что совсем забыла о Лус [ее дочери, которой на тот момент было восемнадцать], поэтому расскажу тебе кое-что о ней.

У Лус появился ухажер, юноша, с которым она познакомилась здесь, в Хюммело. Он остановился у Венинка ван дер Кустерта и (...) пока что вынужден скрываться. Сам он называет себя Ге Бехар, но зовут его Георг Бехар, и он... англичанин, мало того, позабытый англичанин. Всех англичан интернировали, а к нему судьба оказалась благосклонна, и он выбрался (слишком долго рассказывать, как ему это удалось). Теперь он в относительной безопасности в Ахтерхуке. К счастью, он прекрасно говорит по-голландски, и никто не замечает, кто он. Время от времени улавливаешь легкий английский акцент, но, если ничего не подозреваешь, можно принять это просто за личную особенность. Кроме нас и Гудхартов, о его происхождении никто не знает, и, разумеется, до конца войны это нужно держать в строжайшей тайне. Ге, как нам можно его называть, девятнадцать лет, и, как ни странно, он очень похож на тебя. С Лус у них серьезные отношения, но о помолвке, разумеется, речи не идет. Ему дозволено приходить к нам в дом, но «до нежностей», по словам Лус, дело у них еще не дошло. Он хочет стать священником в Англии, но никто не знает, когда это будет. Его семья, мать и сестры, живут там. Отец, а он

⁹¹ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

⁹² Blake G. *No Other Choice*. P. 146.

⁹³ Блейк, речь в Штази, вероятно, 1980.

⁹⁴ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 25.

⁹⁵ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 58.

был консулом, умер. Представляешь, Лус может выйти замуж за английского проповедника? Но время покажет. Нам кажется, что он милый, приятный юноша и выглядит много старше девятнадцати, потому что много где побывал и много чего пережил⁹⁶.

В тот же самый день Форе отмечает в дневнике, что каждый еврей обязан теперь носить маленькую «оранжевую» звезду. По ее словам, голландцы относятся к евреям «с огромным уважением... Многие господа здороваются с дамами с оранжевой звездой». Бехар-Блейк наверняка тоже обратил внимание на участь евреев, хотя, быть может, не столь беспечно, как Форе. Однако по большей части ее письмо подтверждает его дальнейший рассказ о подпольной работе. Возможно, он выдумал историю об отце-консуле, или Форе вообразила себе ее, как и его «английский» акцент.

В Москве семьдесят лет спустя я спросил Блейка, получал ли он какое-то удовольствие от работы в Сопротивлении. «Да, да, разумеется, в моем характере была сильная тяга к приключениям, безусловно».

В 1999 году, размышляя на эту тему в интервью нидерландскому радиожурналисту Гансу Олинку в Москве, Блейк отметил: «Я жаждал приключений. И правда [*от души рассмеявшись*], они всю жизнь меня привлекали. Иначе, скажу вам откровенно, я бы тут не сидел»⁹⁷.

С точки зрения Блейка-детерминиста, этот путь сам избрал его, а не наоборот. Он объяснил: «Вот стоит только за что-то взяться, а потом оно развивается само по себе, если можно так сказать. Я начал с побега»⁹⁸. В 1942 году он отправился в рискованное нелегальное путешествие в Британию через Бельгию, Францию и Испанию.

Мне он рассказал:

Я мог остаться в Нидерландах, но хотел служить в английской и голландской разведке, поэтому рассчитывал поехать в Англию, откуда бы меня отправили обратно в Нидерланды. Я думал – и не ошибался, – что стоит мне добраться до Англии и пройти обучение, я бы мог делать гораздо больше того, чем занимался в Нидерландах. Я очень хотел стать настоящим агентом⁹⁹.

Если не учитывать военные обстоятельства, в самой жажде воплотить призвание за пределами родины было что-то очень голландское. Амбициозные голландцы часто считают, что их страна находится на вторых ролях. Но, как признавался Блейк в интервью советским «Известиям» в 1970 году, для побега в Британию у него был и весомый личный мотив: он соскучился по матери¹⁰⁰.

О желании покинуть страну Блейк сообщил своему руководителю в Сопротивлении, которого знал только как Макса. Вскоре после этого Макс устроил его в доме одной семьи в Зюндерте, на юге страны. Три недели спустя две дочери хозяев дома предложили провести Блейка через границу в Бельгию. В одно прекрасное воскресное утро летом 1942 года трое молодых людей отправились в путь, но ярдах в ста от границы внезапно из-за стога сена показался немецкий солдат с винтовкой. К счастью, увидев девушек, он искренне обрадовался. Блейк пишет в автобиографии:

«Что, ей-богу, вы здесь делаете? – спросил он на смеси двух языков. – Это же запретная зона!» Старшая девушка поспешно объяснила, что мы – кузены

⁹⁶ Westerbeek van Eerten-Faure N. M. *En de 'Rucksack' stond altijd klaar... dagboek van een doktersvrouw in oorlogstijd*. Doetinchem, 2015. P. 148–149.

⁹⁷ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

⁹⁸ GB17.

⁹⁹ GB17 и GB19.

¹⁰⁰ Без подписи, 'Operation «Gold» und andere...', Neues Deutschland, 18 февраля 1970 (перевод сенсационного интервью с Блейком из советской газеты «Известия» в восточногерманском партийном издании).

и хотим навестить тетю, которая живет в монастыре через границу – в Бельгии. Солдат улыбнулся и кивнул: «Ну, ладно. Я пропущу вас, будто и не видел. Если будете возвращаться этим же путем сегодня вечером, я снова буду дежурить между девятью и двенадцатью и пропущу вас. Счастливого пути». Мы прошли, а он приветливо помахал рукой.

Лишь позже Джордж понял, что произошло: и девушки, и солдат (истосковавшийся по родине австриец) были набожными католиками. Они познакомились в местном приходе и молодежной католической организации¹⁰¹. Если бы не это обстоятельство, исход их встречи был бы совершенно иным: по одной версии, Джордж спрятал документы в ботинок, и если бы их обнаружили, его могли расстрелять на месте¹⁰². Девушки проводили его к их тетушке в Антверпен, откуда он продолжил путь во Францию.

23 июля 1942 года Форе писала в своем дневнике в Гюммело:

Ухажер Лус, Георг Бехар, уже несколько дней как уехал. Весьма вероятно, что он отправился в Англию. Как и куда, мы не знаем.

Он и правда говорил Лус, что попытается выбраться в Англию, и если она поймет, что он вдруг исчез, значит, план удался. Вчера она совершенно неожиданно получила от него чрезвычайно теплое и нежное письмо. Оно было написано за пару недель до этого и из соображений безопасности отправлено только что через кого-то из друзей. Письмо отправлено из Голландии. Он прощается с ней, тут же делая оговорку, чтобы она не связывала себя с ним никакими обязательствами, ведь теперь в будущем нет уверенности. Он не хочет смущать ее клятвами верности, если судьба сведет ее с другим.

Конечно же, он не знает, когда сможет вновь подать весточку. Он пишет так проникновенно и отважно, что Лус это обязывает сильнее любой клятвы верности. Чувствуется, как он преодолевает себя, когда пишет это, и между строк ясно читается: люби меня, и я буду любить тебя, несмотря ни на что... нам так нравится этот молодой человек.

Очень мило, что из Англии он напишет обо всех наших делах Бобби [в Южную Африку]¹⁰³.

15 ноября 1942 года Форе отмечает:

Лус совершенно счастлива. С Красным Крестом из Франции пришло письмо от ее ухажера. До тех пор (на письме дата – 12 сентября) ему везло, наверное, он переоделся монахом и перебежал из монастыря в монастырь. Он уже добрался до Лиона и оттуда отправил письмо своему дяде. Остается только добраться до Англии! Но опять-таки мы очень надеемся, что все получится¹⁰⁴.

После этого Форе, по-видимому, забыла о юноше: ни в ее дневнике, ни в письмах он больше не упоминается.

Примерно тогда же, когда была сделана запись в дневнике, Блейк нелегально пересек франко-испанскую границу. Испанцы интернировали его. Однако к началу 1943 года диктатор Франко понял, что немцы проиграют войну, и решил сохранить хорошие отношения с союзниками. Спустя пару месяцев испанцы позволили Блейку-Бехару добраться до Гибрал-

¹⁰¹ Blake G. *No Other Choice*. P. 60–62.

¹⁰² Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 30.

¹⁰³ Westerbeek van Eerten-Faure N. M. *En de 'Rücksack' stond altijd klaar*. P. 161.

¹⁰⁴ Westerbeek van Eerten-Faure N. M. *En de 'Rücksack' stond altijd klaar*. P. 178.

тара. Там он зашел на борт лайнера «Императрица Австралии», который счастливо избежал столкновения с немецкими подлодками и достиг берегов Британии¹⁰⁵.

Это путешествие научило его преодолевать страх. «К страху привыкаешь, – говорил Блейк. – Когда он становится частью твоей жизни, ты о нем больше не думаешь. Как бы то ни было, страшно тебе или нет, обстоятельств это не меняет»¹⁰⁶.

В 1943 году он наконец прибыл в страну, которой толком не знал. В военном Лондоне он воссоединился с Катариной и сестрами. Вскоре после этого они сменили фамилию с Бехар на типично английскую – Блейк. Георг расставался со своей голландской идентичностью.

Его переход к космополитизму завораживающим образом напоминает историю другого международного двойного агента из Нидерландов – если только она и вправду была двойным агентом. Мата Хари росла под именем Маргареты Гертруды Зелле в голландском провинциальном городке Леувардене. Ее отец, тоже местный торговец, держал шляпный магазин и переживал не лучшие времена. Альберт Бехар умер, когда Блейку было тринадцать; отец Зелле разорился и бросил семью, когда дочери было двенадцать или тринадцать. Блейк уехал из Нидерландов в Лондон в девятнадцать лет; Зелле отправилась в Голландскую Ост-Индию – в двадцать. В дальнейшем она переезжала из одного города Европы в другой, работая танцовщицей (и, возможно, шпионкой)¹⁰⁷. Ходили слухи, что в то время одним из ее любовников был египетский дядя Блейка Макс, известный волокита¹⁰⁸. В 1917 году Мату Хари казнили в Париже как немецкую шпионку.

¹⁰⁵ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 41–42.

¹⁰⁶ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

¹⁰⁷ Huisman M. *Mata Hari (1876–1917): de levende legende*. Verloren Verleden, 1998. P. 9–17.

¹⁰⁸ Perrault G. *Un homme à part*. P. 62

Глава 5. Легендарный центр скрытой власти

В Британии Блейк записался добровольцем во флот. Его жизнь перевернул лектор из Адмиралтейства уже под конец обучения в Хове. Лектор рассказывал новобранцам о различных видах морской службы, которые они могли выбрать, – подводные лодки, минные тральщики и так далее, – добавив потом: «Есть еще одно подразделение, о котором я должен упомянуть. Оно называется „спецслужба“, но я не могу сообщить о ней никаких подробностей, поскольку она засекречена. Что касается сотрудников, то люди, которые поступают туда, из нашего поля зрения исчезают».

Блейк пишет в автобиографии:

Я сразу наострил уши, ведь это было так похоже на то, о чем я мечтал. Спецслужба, секретность, люди, о которых никто ничего не знает. Это должна была быть разведывательная работа, высадка агентов на вражеском берегу.

В тот же день он записался в это подразделение¹⁰⁹. Однако там его постигло разочарование: как оказалось, к шпионажу «спецслужба» не имела никакого отношения, и Блейку предстояло обучаться водолазному делу на «сверхмалых подводных лодках» – судах с экипажем в два-три человека, их называли «воскресными охотниками», как он рассказывал позже Штази. «Нас учили проникать во вражеские гавани и подкладывать бомбы под корабли неприятеля. А потом выбираться обратно»¹¹⁰. Напоминает миссии камикадзе. К счастью для Блейка, в ходе подготовки выяснилось, что при погружении на глубину он теряет сознание и категорически непригоден к этой работе.

Спустя несколько недель его вызвали в Лондон на собеседование. Блейк считал, что его кандидатуру рассматривают на другое место в Адмиралтействе; на самом же деле к нему приставлялась СИС, британская Секретная разведывательная служба. Собеседование проводил майор, который говорил по-голландски свободно, хотя и с сильным английским акцентом – он расспрашивал Блейка о его жизни, особенно заинтересовавшись его участием в Сопротивлении¹¹¹.

Работа Блейка в Сопротивлении – ключевой и едва ли не единственный пункт в резюме, – по-видимому, послужила гарантией его добросовестности, и не только в тот раз, но и во время всей его службы в СИС. Служба доверяла ему, потому что он «хорошо воевал»; и, что важно, его отец – солдат, раненный на войне в 1914–1918 годах, – тоже. Это, судя по всему, свидетельствовало о патриотизме семьи. Но, как много позже отмечал Блейк: «Они не поняли, что во время войны я был предан не Британии, а борьбе с нацизмом»¹¹².

После нескольких собеседований, к его огромному воодушевлению, он вступил в «Британскую секретную службу, этот легендарный центр тайной власти, по общему мнению, играющий важную роль в ключевых событиях мира»¹¹³. Если точнее, он вступил в П-8, голландский отдел СИС. В задачи Блейка входило сопровождение участников Сопротивления, которых десантировали в оккупированные Нидерланды. Перед посадкой в самолеты¹¹⁴ Блейк проверял их карманы, чтобы убедиться в отсутствии там компрометирующих предметов вроде билетов из кино в Лондоне (однажды такой прецедент уже был¹¹⁵). Он размышлял: «Многие из числа

¹⁰⁹ Blake G. *No Other Choice*. P. 82.

¹¹⁰ Блейк, выступление в Штази, 1980 и 1981.

¹¹¹ Blake G. *No Other Choice*. P. 83–85.

¹¹² Bower T. *The Perfect English Spy*. New York, 1995. P. 260.

¹¹³ Blake G. *No Other Choice*. P. 84–86.

¹¹⁴ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

¹¹⁵ Блейк, выступление в Штази, 1981.

тех, кого я знал лично и сам сопровождал на аэродром, погибли»¹¹⁶. Это охлаждало его зависть к ним¹¹⁷.

Он также расшифровывал сообщения, которые агенты – часто с помехами – передавали из Нидерландов. К примеру, в них содержалось донесение, что немцы используют в качестве штаб-квартиры тот или иной замок или деревенский дом. Блейк передавал эти сведения по телефону в Министерство авиации¹¹⁸. «На следующее утро по Би-би-си можно было услышать, что замок разбомбили, и тогда возникало ощущение, будто и ты принимаешь в войне активное участие»¹¹⁹.

СИС показалась Блейку «ужасно английской, частью классовой системы». При этом он понимал, что его, пусть и на второстепенных ролях, допустили к военной программе¹²⁰. «Как вполне консервативный молодой человек, я гордился своей службой в СИС, – вспоминал Блейк, выступая перед офицерами Штази. – Так же, как вы бы гордились, что вас избрали на службу в Staatsicherheitsdienst [Штази]».¹²¹

И все же, добавлял он, было одно важное отличие. Если офицеры Штази проходили значительную подготовку, «то я – старой закалки, когда ремесло можно было освоить, так сказать, лишь на практике»¹²². В военное время СИС так стремительно разрасталась, что на проверку и тренировку новобранцев времени почти не хватало. Сотрудникам Штази Блейк изложил свой взгляд на историю службы:

До войны это, по сути, была любительская организация. У них не было регулярного жалования, не было пенсий. Она состояла преимущественно из молодых людей хорошего круга, обладавших собственными деньгами и занимавшихся этим исключительно из патриотизма и тяги к авантюрам. В то время служба была довольно малочисленна, но вполне вписывалась в обстоятельства [довоенного] времени. Во многих странах ключевую роль играла аристократия. И до сих пор на Западе она часто сохраняет позиции в министерствах иностранных дел и армии. И молодые люди из этого сословия были естественным образом вхожи в правящие круги Европы. Их выбирали за свойственный им космополитизм, который позволял добывать информацию для английских спецслужб.

Разумеется, в военное время все это изменилось. Служба очень разрослась – или достаточно разрослась, по английским стандартам. Думаю, в то время в ней числилось порядка 1000 человек, большинство – офицеры¹²³.

Когда война закончилась, Блейк вновь задумался о карьере священника, но СИС отправила его в Нидерланды для завершения голландских операций¹²⁴. Он увидел полуистощенную страну, где многие выживали, питаясь луковицами тюльпанов. Тем не менее для молодых иностранных военных офицеров месяцы после освобождения стали порой разгула¹²⁵. Блейк вспоминает:

¹¹⁶ GB17.

¹¹⁷ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

¹¹⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 91–92.

¹¹⁹ Блейк, выступление в Штази, 1981.

¹²⁰ O'Connor K. *Blake, Bourke & The End of Empires*. P. 44.

¹²¹ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹²² Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹²³ Блейк, выступление в Штази, 1981.

¹²⁴ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 1.

¹²⁵ Carey G. *George Blake: Masterspy of Moscow*, документальный фильм BBC T V, транслировавшийся на канале BBC4 22 марта 2015 года.

Реквизированные машины, роскошные виллы, запасы шампанского и бренди (складированные поверженным вермахтом), клубы, разместившиеся в самых дорогих ресторанах или самых живописных загородных домах, шикарные отели на знаменитых целебных курортах и местах для отдыха, притягательные девушки, жаждавшие повеселиться после мрачных лет оккупации, – всем этим великолепием раньше наслаждались лишь самые богатые, а теперь они стали доступны любому офицеру¹²⁶.

В Нидерландах Блейк совмещал упорный труд с неустанным весельем. У него начался роман с Айрис Пик, молодой британской аристократкой, которая работала в СИС секретарем. Позже, уже после его разоблачения, это сочтут важным обстоятельством.

Блейк уже хорошо владел немецким языком, и в апреле 1946 года его перевели в Гамбург. Один его молодой коллега, Чарльз Уилер, в дальнейшем ставший бессменным зарубежным корреспондентом Би-би-си и свекром Бориса Джонсона, будет вспоминать, что Блейк «чересчур много улыбался. Даже за завтраком»¹²⁷.

В первую очередь в Гамбурге Блейку предстояло выяснить, не организуют ли бывшие немецкие офицеры-подводники – заклятые враги британского судоходства в военное время – подпольного нацистского сопротивления. Теперь, после победы над Германией, многим оккупантам уже не терпелось отправиться домой, но Блейк относился к своей работе очень серьезно. Его первый биограф, Э. Х. Кукридж, который, будучи британским тайным агентом во время и после войны, недолго работал с Блейком, рассказывает, что «в свободное время тот изучал морские технологии и военно-морские тактики и в итоге довольно скоро мог вполне авторитетно беседовать с офицерами Королевского военно-морского флота и инженерами, прослужившими в море всю свою жизнь»¹²⁸.

«Подружиться» с бывшими офицерами-подводниками оказалось просто, вспоминал Блейк в Штази:

У наших оккупационных сил было все – сигареты, шнапс, машины, документы; а у немецкого населения – почти ничего. И вот я со многими из них встречался. Так спустя некоторое время и смог удостовериться, что ни о каком подпольном движении речи не идет.

Офицеры поняли, что сопротивление бесполезно, не говоря уже о том, что в разоренной бомбежками Западной Германии «нулевых лет» повседневная жизнь и без того давалась огромным трудом. В более поздние годы, мрачно сообщал Блейк в Штази, бывшие нацисты попадут в руководство федеративной республики иными путями¹²⁹.

В Гамбурге Блейк прожил до начала холодной войны. СИС переключалась с Германии на Советский Союз. Блейк говорил: «Им [СИС] приходилось противостоять врагу, который обладал очень большой секретной службой и был, можно сказать, профессионально подготовлен, поэтому службу требовалось выстраивать заново»¹³⁰.

К 1947 году Блейк сам переключился на борьбу с коммунизмом, став одним из самых первых бойцов холодной войны. Он взялся за освоение нового языка разведки – русского¹³¹. Он вербовал немецких «офицеров, служивших в ВМФ и вермахте», и отправлял их на разведку в

¹²⁶ Blake G. *No Other Choice*. P. 99.

¹²⁷ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 67.

¹²⁸ Cookridge E. H. *George Blake: Double Agent* New York, 1982. P. 50.

¹²⁹ Блейк, выступление в Штази, 1980 и 1981.

¹³⁰ Блейк, выступление в Штази, 1981.

¹³¹ Без подписи, 'Operation 'Gold' und andere...', Neues Deutschland.

советскую зону Германии¹³². Вероятно, допуская из такта и с оглядкой на прошлое некоторые поправки, он рассказывал Штази:

Мне удалось создать несколько групп здесь, на территории ГДР [Германской Демократической Республики]. Но, должен сказать, радости мне эта задача не доставляла – мы использовали бывших заклятых врагов, чтобы бороться с нашими бывшими союзниками, которым стольким были обязаны. Я это рассказываю, потому что так в моем идеологическом мировоззрении возникла первая брешь¹³³.

Юный сотрудник СИС, говоривший по-немецки с голландским акцентом, проявлял усердие и даже некоторое высокомерие. Он не стремился подзаработать лишних денег, приторговывая на черном рынке выпивкой или сигаретами из запасов британской армии. Разумеется, некоторым дилетантам-британцам в СИС он действовал на нервы¹³⁴. «Он был груб, придирчив, тщеславен и многословен, коллегам часто казалось, что он слегка не в себе», – рассказывала писательница Ребекка Уэст в 1960-х годах¹³⁵.

Однако в свободное время Блейк принимал участие в разгульной жизни освобожденного города, пусть и с большей осмотрительностью, чем другие сотрудники оккупационных сил. В автобиографии он цитирует христианский гимн: «Мир, плоть и сатана витали над тропой, которой я шел». Но от «искушений», по его собственному признанию, вера его не уберегла¹³⁶. В 1947 году он вернулся в Британию из Германии с ощущением, что уже недостойн стать священником.

К счастью, в снобистской СИС этот иностранец-полуеврей оказался весьма кстати. Блейк имел безупречно британскую фамилию, превосходно справлялся с оперативной работой, был героем Сопротивления, противником коммунизма, полиглотом, каких среди британцев мало¹³⁷, легко осваивался в любом месте и, самое главное, внешне идеально вписывался в образ. Николас Эллиотт, старший офицер МИ-6, считал Блейка «рослым красавцем с отличными манерами, пользующимся всеобщим успехом»¹³⁸. Руководствуясь идеалом частных школ «*mens sana in corpore sano*», британская элита того времени часто судила о характере человека по его внешности. Но то ли Эллиотт был не слишком наблюдательным шпионом, то ли Блейк с годами заметно подсух. За Блейком также не водилось очевидных слабостей: он не был ни болтуном, ни лентяем, ни фантазером, ни игроком, ни пьяницей, ни разгульным бабником, ни гомосексуалом, уязвимым для шантажа. Готовый больше слушать, чем говорить, самодостаточный, не имевший близких друзей, скорее маменькин сынок, чем кутила, он идеально подходил для шпионажа.

СИС решила закрыть глаза на его несоответствие двум ключевым требованиям: он не закончил университет и ни он, ни его родители не были родом из Британии или ее владений¹³⁹. Служба предложила ему место в штате, что фактически превращало его «из аутсайдера в одного из нас»¹⁴⁰. Он сразу же согласился, навсегда отбросив мысль о карьере священника¹⁴¹:

¹³² Blake G. *No Other Choice*. P. 102.

¹³³ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹³⁴ Cookridge E. H. *George Blake*. P. 54–55.

¹³⁵ West R. *The New Meaning of Treason* New York, 1964. P. 303.

¹³⁶ Blake G. *No Other Choice*. P. 99.

¹³⁷ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 70.

¹³⁸ Macintyre B. *A Spy among Friends: Kim Philby and the Great Betrayal*. New York, 2014. P. 234. [Бен Макинтайр. *Шпион среди друзей. Великое предательство Кима Филби*. Пер. с англ. С. Таск, А. Шульгат. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2017.]

¹³⁹ Cookridge E. H. *George Blake*. P. 70–71.

¹⁴⁰ Carey G. *George Blake*.

¹⁴¹ GB20.

«Работа была очень интересной, у меня был хороший круг друзей», и «иных перспектив интересной работы у меня не было»¹⁴². В бурно развивающейся послевоенной индустрии шпионаж дал ему новое призвание.

Писатель Джон Ле Карре набросал психологический портрет новобранцев секретных служб:

Я понимал природу людей, которых влекло в этот мир. Я знал, что значит находиться в свободном плавании и тянуться к сильному ведомству, отвечавшему за ваши нравственные суждения и... вашу жизнь. Я знал, какие слабости манят в ведомственные объятия, снимая с нас бремя принятия собственных решений... Я был весьма растерянным юношей. Я втянулся в этот мир очень рано, и он заменил для меня все. Он словно стал мне одновременно матерью, отцом и священником и придал смысл моей жизни¹⁴³.

Блейк после войны тоже был «весьма растерянным юношей». За плечами осталась и родина, и планы религиозной карьеры, зато сохранились нравственные идеалы. Он позже отмечал, что многие сотрудники СИС были набожными католиками, а многие офицеры ЦРУ – квакерами. Двое из наиболее видных кембриджских шпионов, работавших на КГБ, – Джон Кернкросс и Дональд Маклин – получили пресвитерианское воспитание, которое мало отличалось от кальвинизма Блейка. Наверное, как и он, они предпочли доверить свои «нравственные суждения» «сильному ведомству»¹⁴⁴.

В октябре 1947 года СИС отправила Блейка в Кембриджский университет на сэндвич-курс¹⁴⁵ длительностью несколько месяцев, чтобы он выучил русский язык. Тогда этого еще никто не знал, но именно в Кембридже «получили образование все главные британские перебежчики» (если цитировать пьесу Саймона Грея 1995 года «Сокамерники» об отношениях Блейка и Берка)¹⁴⁶.

К СССР Блейк уже относился с пиететом за его вклад в победу во Второй мировой войне¹⁴⁷. Тем не менее он будет вспоминать, что в университет попал, «не питая к русским особого уважения»¹⁴⁸. В Кембридже это изменилось благодаря Элизабет Хилл, непоколебимой противнице коммунизма, которая, сама того не желая, одной из первых подтолкнула Блейка к этой идеологии. В нашем разговоре он привычно пел ей дифирамбы:

Мое отношение к русским существенно изменилось благодаря учебе в Кембридже у профессора Хилл. Она была очень умной женщиной, по происхождению англичанкой, но до революции в Санкт-Петербурге было целое сообщество англичан-коммерсантов. Они жили здесь из поколения в поколение, наладили хорошие связи с русскими и часто женились на русских женщинах. Ее мать была русской, а отец – одним из этих богатейших коммерсантов.

Разумеется, после революции они вернулись в Англию, и здесь Хилл защитила докторскую по славянскому языкознанию. Она была очень знаменитым профессором кембриджского факультета славистики.

¹⁴² Архив Штази, MfS Sekr. Neiber/Tb/1, Блейк, выступление в Штази, 1976.

¹⁴³ Eleanor Wachtel interview, John le Carré on War, Terror and His New Biography, CBC Radio (Canada), 29.11.2015. (Интервью Элинор Вахтель с Джоном Ле Карре о войне, терроре и его новой биографии, CBC Radio (Канада), 29.11.2015.)

¹⁴⁴ Кнорр G. *Top-Spione: Verräter im Geheimen Krieg*. Munich, 1997. P. 132.

¹⁴⁵ В британских университетах так называется курс, сочетающий академическое образование с обязательной длительной практической стажировкой. – *Прим. пер.*

¹⁴⁶ Gray S. *Plays Five*. London, 2010. P. 34.

¹⁴⁷ Gray S. *Plays Five*. London, 2010. P. 133.

¹⁴⁸ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

Наполовину русская, она исповедовала православие и иногда по воскресеньям приглашала пару любимых студентов, в числе которых был и я, в Лондон на службу в православный храм. Тогда я был от этого в восторге. Да и до сих пор тоже¹⁴⁹.

Хилл была одной из немногих женщин в Кембридже того времени. Самым первым профессором славистики в университете она стала в 1948 году, тогда же, когда Кембридж впервые стал присваивать женщинам ученую степень. Голубоглазая «Лиза» в черном костюме «славилась ошеломляющим русским обаянием», благодаря которому получила неслыханное право парковать свой маленький фиатик («Блоху») перед Британским музеем. Английский и русский были для нее настолько органичны, что она привычно смешивала их в одном предложении¹⁵⁰. «Работать, работать, работать», – призывала она своих студентов. По словам Блейка, спустя пару месяцев после начала ее курса он уже читал по-русски «Анну Каренину»¹⁵¹. Из занятий с Хилл он почерпнул также «романтизированный образ матушки-России, откуда она бежала», пишет исследователь международных отношений Джонатан Хаслам¹⁵². Эта эмоциональная вовлеченность, отмечал позже Блейк, «вероятно, не входила в планы английской секретной службы»¹⁵³. Он начинал открывать для себя новую родину – не столько Советский Союз, сколько Россию.

¹⁴⁹ GB24–25.

¹⁵⁰ О Хилл см. в А. D. CTP.Briggs, 'Obituary: Dame Elizabeth Hill', *The Independent*, 6, January 1997; Anthony Cross, 'Hill, Dame Elizabeth Mary', *Oxford Dictionary of National Biography*: <http://www.oxforddnb.com/view/article/64000>; R. Auty, L. R. Lewitter и А. CTP.Vlasto (eds), *Gorski Vijenac: A Garland of Essays Offered to Professor Elizabeth Mary Hill* (Modern Humanities Research Association, Cambridge, 1970); и D. M. Thomas, 'A War of Soft Words', *Guardian*, 16.11.2002.

¹⁵¹ Blake G. *No Other Choice*. P. 105.

¹⁵² Haslam J. *Near and Distant Neighbours: A New History of Soviet Intelligence*. Oxford, 2015. P. 187.

¹⁵³ Блейк, выступление в Штази, 1981.

Глава 6. Обращение узника

Докладывая о своем прибытии в штаб-квартиру СИС в Лондоне в 1948 году, Блейк рассчитывал получить назначение в Афганистан. Но ему сообщили, что он отправится на запад Китая в город Урумчи недалеко от советской границы. «Несколько недель спустя без каких бы то ни было разъяснений», пишет он в автобиографии, его вдруг направили в Сеул, столицу Южной Кореи. Он был разочарован: «Я никогда не питал интереса к культуре Дальнего Востока... исламский мир привлекал меня гораздо больше».

Он много читал, готовясь к новому назначению, но один текст особенно ему запомнился: «маленькое учебное пособие по марксизму», написанное теоретиком СИС Кэрю Хантом. Блейк пишет:

Называлось оно «Теория и практика коммунизма» и было написано с целью познакомить офицеров СИС с основными догматами марксизма по здравому принципу «знай своего врага»... Эта брошюра стала для меня откровением... Теория коммунизма показалась мне убедительной, ее интерпретация истории – разумной, цели представлялись достойными и мало отличались от христианских идеалов, пусть и разнились с ними в методах их достижения¹⁵⁴.

Взяв на вооружение новые знания, Блейк отправился в Сеул в качестве первого главы местного бюро¹⁵⁵. «Это была очень маленькая резидентура», – скромно рассказывал он Штази, прибегая к термину, которым в странах Восточного блока называлось представительство разведслужбы¹⁵⁶. Для прикрытия он занимал должность британского дипломата.

Корея была разделена с 1945 года, когда американские войска оттеснили японских оккупантов с юга, а советские – с севера. Спустя три года Северная и Южная Корея оказались на грани войны. Блейку говорили: если война начнется, Британия, вероятно, сохранит нейтралитет. Это позволит ему остаться на своем месте и наблюдать за происходящим¹⁵⁷. Некоторые британские консульства именно так и работали тогда в Китае, где Китайская коммунистическая партия захватила власть в ходе гражданской войны¹⁵⁸.

Перед самым отъездом из Европы Блейк в Париже в последний раз встретился со своим кузеном Раулем Куриэлем. Рауль, к этому моменту археолог, работавший в Афганистане, будет вспоминать: «Он был скучным малым. Преклонялся перед Британской империей и норовил переангличанить самих англичан. Протестант до мозга костей... Похоже, он и в четырнадцать уже был таким»¹⁵⁹.

Потом Блейк сел на гидроплан, следовавший в Южную Корею. Во время пересадки в Каире он навестил Даниэля с Зефирой, родителей Рауля, и другую тетушку. Их жизнь перевернулась с ног на голову. После создания Государства Израиль и арабо-израильской войны 1948 года египетские евреи стали париями в собственной стране. Куриэлям даже перерезали телефонные провода¹⁶⁰. Они рассказали Блейку, что египетское правительство отправило его кузена Анри за решетку как коммуниста. Тогда Блейк виделся с дядей и тетушками в послед-

¹⁵⁴ Blake G. *No Other Choice*. P. 109–111.

¹⁵⁵ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁵⁶ Блейк, выступление в Штази, 1976.

¹⁵⁷ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 85–86; Carey G. *George Blake*.

¹⁵⁸ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁵⁹ Perrault G. *Un homme à part*. P. 74.571–572.

¹⁶⁰ Blake G. *No Other Choice*. P. 111.

ний раз: «С тяжелым сердцем я простился с этими пожилыми и одинокими людьми, которые так много для меня сделали»¹⁶¹.

Начальником Блейка в Сеуле был британский генеральный консул капитан Вивиан Холт, «холостяк и поистине эксцентричный англичанин»¹⁶². Лысый, худой как жердь, аскет Холт был удивительно похож на Махатму Ганди¹⁶³ и вскоре стал едва ли не героем для Блейка. В целом же Сеул разочаровал молодого агента. Основная задача Блейка в преддверии войны состояла в вербовке шпионов (особенно среди моряков) во Владивостоке, который находился всего-навсего в 450 милях к северо-востоку от Сеула. Единственным препятствием были лишь границы Северной Кореи и Советского Союза. «Замысел [СИС] был довольно наивен, – рассказывал Блейк впоследствии. – Они просто взглянули на карту и подумали: „Где бы нам открыть филиал разведки поближе к Владивостоку?“ Никакой агентуры ни во Владивостоке, ни даже в Северной Корее мне создать не удалось»¹⁶⁴.

Все остальное тоже не заладилось. Блейк стал презирать продажного полуфашистского союзника Британии – Южную Корею. Он всегда будет вспоминать, что у министра образования страны, выпускника Оксфорда, висел «в кабинете большой фотопортрет Гитлера»¹⁶⁵. Оппонентов власти, на которых режим без разбору вешал ярлык «коммунистов», Блейк сравнивал с голландским Сопротивлением. И пришел в ужас, увидев, как американские союзники Британии купаются в роскоши, в то время как прямо на улицах замерзают бездомные жители Южной Кореи¹⁶⁶.

Северная Корея напала на Сеул в июне 1950 года. Блейк вспоминал: «Бежать было бы легко. У нас [в британской миссии] в распоряжении имелось около четырех-пяти дней. Все американцы бежали и готовы были забрать нас. Но нам дали распоряжение оставаться на месте, и мы остались»¹⁶⁷.

После этого Би-би-си передала шокирующие новости: Британия решила не оставаться в стороне и вступала в войну на стороне Южной Кореи. Блейк рассказывал Штази в 1980:

Значит, нейтралитет, который планировался раньше, мы не сохраняли. Так мы оказались врагами в стане врага. Положение было, конечно, не из приятных... Сегодня ни один англичанин не считает свою страну могущественной империей... но тогда мы представляли себя великой независимой державой, и свидетельство того, что Англия действует уже не в собственных интересах – потому что никаких интересов у Англии в Корее не было, – а лишь в угоду американцам, стало для меня огромным потрясением. И очередным шагом в моем будущем движении [к коммунизму]¹⁶⁸.

Этот амбициозный человек понял, что служит второстепенной державе. А потом по ее вине он попал в плен, где натерпелся ужасов. В воскресенье сразу после вторжения северокорейцев в Сеул к британской миссии подъехали три джипа с военными и увезли Холта, Блейка и его ассистента Нормана Оуэна на допрос в штаб-квартиру полиции¹⁶⁹. Все трое стали первыми сотрудниками иностранного внешнеполитического ведомства, которых коммунисты

¹⁶¹ Blake G. *No Other Choice*. P. 111.

¹⁶² Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁶³ Blake G. *No Other Choice*. P. 118.

¹⁶⁴ Блейк, выступление в Штази, 1980 и 1981.

¹⁶⁵ Carey G. *George Blake*.

¹⁶⁶ Blake G. *No Other Choice*. P. 115–16.

¹⁶⁷ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁶⁸ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁶⁹ Blake G. *No Other Choice*. P. 126.

отправили за решетку¹⁷⁰. В составе группы из семидесяти заключенных северокорейцы этапировали их на север, как и около 750 американских военнопленных. В ту зиму погибла почти половина заключенных – главным образом от голода, болезней, мороза или от рук жестоких надзирателей-коммунистов, устраивавших «марш смерти»¹⁷¹. Кто не мог идти дальше, был обречен. Филип Дин, журналист *Observer* из группы Блейка, вспоминал: «Молодой рыжеволосый [американский] парень, который еще мог идти, рыдая, пытался нести на себе умирающего товарища. Конвоир пнул его, подгоняя. Тот, всхлипывая, споткнулся... Мы слышали множество выстрелов... умирающих сталкивали в канавы»¹⁷².

Холт потом говорил: «Если бы не Джордж Блейк и Филип Дин, последний этап марша смерти я бы не пережил. В Хаджане они выхаживали меня и консула Оуэна, отдавали нам свои пайки, хотя сами болели и голодали»¹⁷³.

Блейк ночами сидел у постели тяжело болевших Холта и Оуэна. Ему удалось убедить жестокого командира лагеря по прозвищу Тигр, что, если под его началом погибнут двое британских дипломатов, мало не покажется. Северокорейцы тут же нашли пенициллин для обоих больных. Однако здоровье Холта и Оуэна необратимо пошатнулось, и они умерли вскоре после возвращения в Британию¹⁷⁴.

Блейк обратил внимание, что американские солдаты погибали в плену гораздо чаще, чем интернированные гражданские из Европы – в большинстве своем пожилые люди, среди которых были епископы и монахини весьма преклонного возраста. Он связывал это с легкой жизнью в Америке¹⁷⁵. Когда американцы вдруг оказывались в отчаянном положении, рассказывал он Штази, они «просто теряли волю к жизни. И, быть может, стоит сделать вывод, что на пользу слишком благополучная жизнь не идет». Тут из зала раздались сдержанные смешки, и Блейк улыбнулся.¹⁷⁶

Его рассказ отражает кальвинистские взгляды на материальные излишества, но к американцам он несправедлив. Он не упомянул, что до этого некоторых из них северокорейцы морили голодом и пытали, а на марше смерти с ними часто обращались хуже, чем с гражданскими пленными¹⁷⁷. «Солдаты умирали от пневмонии, умирали от дизентерии, умирали от холода, умирали от недоедания, умирали от жажды и от истощения», – пишет Стив Фогель в своей книге «Предательство в Берлине»¹⁷⁸. Многие образованные европейцы тогда ополчились на Америку, приписывая ей материализм и имперские амбиции. В Корее Блейк, судя по всему, поддался этим настроениям.

Он на всю жизнь запомнил представшие его взору ужасы: «Справа и слева от меня умирали десятки тысяч человек. Это был период ожесточенного конфликта, а я оказался в самой гуще. Я видел Корейскую войну собственными глазами; молодые американские военнопленные погибали, а огромные американские летающие крепости сбрасывали бомбы на маленькие беззащитные деревни»¹⁷⁹.

Он сказал офицерам Штази, что все они знали или слышали от родителей о бомбежках немецких городов во время войны. Блейк и сам видел их последствия в послевоенном Гам-

¹⁷⁰ http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1961/may/10/foreign-service-security#S5CV0640P0_19610510_CWA_28.

¹⁷¹ Блейк, выступление в Штази, Эрфурт, 1977; и Blake G. *No Other Choice*. P. 132–4.

¹⁷² Cookridge E. H. *George Blake*. P. 91.

¹⁷³ Montgomery Hyde H. *George Blake Superspy: The Truth behind Blake's Sensational Escape to Moscow* London, 1988. P. 38.

¹⁷⁴ Cookridge E. H. *George Blake*. P. 93.

¹⁷⁵ Blake G. *No Other Choice*. P. 134–135.

¹⁷⁶ Блейк, выступление в Штази, 1981.

¹⁷⁷ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 100, 105.

¹⁷⁸ Vogel S. *Betrayal in Berlin: The True Story of the Cold War's Most Audacious Espionage Operation*. New York, 2019. P. 7.

¹⁷⁹ Norton-Taylor R. *George Blake Now Prepared to Talk after Decades of Silence* // *Guardian*. 1990. September. 19.

бурге и Берлине. Однако, продолжал он, в Корее американцы нанесли еще больший ущерб. Они уничтожали деревянные дома крестьян, бедные поселения и города. «Не оставили буквально камня на камне». Он не преувеличивал. Американский генерал Кертис Лемей, глава Стратегического военно-воздушного командования во время Корейской войны, размышлял в 1984 году: «Года за три мы уничтожили – сколько? – двадцать процентов населения»¹⁸⁰. Бомбежка неизбежно напомнила Блейку, как десятью годами ранее люфтваффе сровняли с землей его родной Роттердам. Он рассуждал: «Мы, как представители Запада, чувствовали свою вину и задавались вопросом: „Что мы здесь делаем, какое право имеем приезжать сюда и все уничтожать?“ Эти люди, которые живут так далеко от нас, должны сами решать, как устраивать собственную жизнь»¹⁸¹. Это был еще один шаг на пути к смене идеологии, говорил потом Блейк¹⁸².

Наконец в феврале 1951 года кошмар стал рассеиваться. Вместе с группой из десяти английских и французских дипломатов и журналистов Блейка отвезли на тихую ферму неподалеку от Манпо, на севере страны. «Наше существование в плетеной хижине, – пишет он, – напоминало положение десяти железнодорожных пассажиров, которым пришлось провести два года в вагоне, забытом всеми на запасных путях». Восемь человек из этой группы спали на полу в двух комнатах (женщины спали где-то в другом месте), зато по крайней мере у них была пища, кров и они находились в относительной безопасности¹⁸³.

С тех пор переживали они скорее душевно: «Во-первых, потому что мы не знали, сколько еще все это продлится, а во-вторых, потому что нам было совершенно нечего делать»¹⁸⁴. Здесь оказались мыслящие люди, истощенные голодом и сходявшие с ума от скуки. С тех пор Блейк знал, что месяца за три-четыре историю всей своей жизни успеет рассказать даже человек с богатейшим опытом, а потом ему придется начинать заново. Заняться там было нечем, оставалось только играть, представлять себя кем-то другим. Блейк, вспоминал потом Дин, «любил воображать себя... великим офицером ее величества, получающим титул за достойную и преданную службу. Мы похлопывали его по плечу и торжественно произносили: „Встаньте, сэр Джордж“. Мы повысили его до барона, графа и маркиза. Герцогского титула он так и не успел получить – наш плен уже закончился»¹⁸⁵.

Довольно бестолковые уроки северокорейской пропаганды, целью которых было обращение пленников в коммунистическую веру – «промывка мозгов», – вызывали у этих интеллектуалов лишь раздражение. Дин упоминал: «Нам часто приходилось подсказывать им цитаты Карла Маркса»¹⁸⁶.

Для обращения Блейка требовалось нечто гораздо более изощренное. И такой способ нашелся. Блейк рассказывал Штази: «К счастью – или для большинства из нас к несчастью, – советское посольство в Пхеньяне смиростивилось над нами и прислало несколько книг»¹⁸⁷. В посылке, прибывшей весной 1951 года, была всего одна книга на английском языке – «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона. Пленники тянули жребий за право прочитать роман первым и вскоре зачитали книжку до дыр. Было еще и три издания на русском: «Государство и революция» Ленина и два тома «Капитала» Маркса.

¹⁸⁰ Osnos E. The Risk of Nuclear War with North Korea // New Yorker. 2017. September. 18.

¹⁸¹ Блейк, выступление в Штази, 1976.

¹⁸² Блейк, выступление в Штази, 1976.

¹⁸³ Blake G. *No Other Choice*. P. 135–136.

¹⁸⁴ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁸⁵ Rees Shapiro T. *George Blake, notorious Cold War double agent who helped Soviets, dies at 98*//Washington Post. 2020. December. 26.12.2020.

¹⁸⁶ Cookridge E. H. *George Blake*. P. 99.

¹⁸⁷ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

Русским в группе владели лишь Блейк и Холт. Во время военных действий консул потерял очки, когда пытался укрыться от пулеметных очередей американских самолетов¹⁸⁸. «После этого самостоятельно читать он уже не мог», – говорил Блейк, который к моменту нашей с ним встречи оказался ровно в таком же положении.

И читал ему я. Мы сидели на кургане, читали и обсуждали книги. Кажется, раньше он служил политическим атташе Министерства иностранных дел Британии в Ираке, гражданским чиновником английского правительства в Индии и был безупречным винтиком английской колониальной системы. Но человек он был весьма здравомыслящий и понимал, что что-то должно прийти ей на смену, и он считал, что это будет коммунизм. Он не хотел жить в коммунистическом государстве, но таков был его прогноз. А поскольку я питал к нему огромное уважение – он был моим начальником, скажем так, и у нас установились добрые дружеские отношения, – я очень прислушивался к его мнению¹⁸⁹.

«Итак, я прочитал „Капитал“, два тома – дважды, – изумлялся он в Штази (и в зале раздалось несколько осторожных смешков)¹⁹⁰. – Несколько месяцев мы каждый день часами читали... „Капитал“ и некоторые труды Ленина»¹⁹¹. Они с Холтом читали часть текста, а потом обсуждали его, «проблему за проблемой»¹⁹².

Эти чтения с начальником, по-видимому, произвели глубокое впечатление на способного молодого человека, чье обучение прервалось из-за войны и в чьем распоряжении внезапно оказалось два года, которые мало чем можно было занять, помимо размышлений. Они с Холтом также вместе изучали Коран на арабском¹⁹³ и обсуждали с сокамерниками Маркса и Ленина¹⁹⁴ (когда Холт вскоре после своего возвращения из Кореи дал интервью будущему биографу Блейка Э. Х. Кукбриджу, он, похоже, не упомянул их коммунистических штудий)¹⁹⁵.

Блейк размышлял потом: «Я думал, что воюю не на той стороне... Основной, если не единственной целью английской секретной службы было уничтожение коммунизма... Я пришел к выводу, что, если мне суждено умереть – а в Корее такой риск был велик, – я хочу умереть за идею, в которую верю»¹⁹⁶.

В разговоре с Блейком я предположил, что заточение в Корее стало для него вторым университетом. Он ответил: «Да-да. Так оно и есть, так и есть. В каком-то смысле»¹⁹⁷. Так старый империалист Холт нечаянно подтолкнул Блейка к коммунизму.

Радикальными идеями люди часто увлекаются за компанию. Ими движет стремление найти соратников. Большую часть прошлого века, вступая в коммунистическую партию, ты попадал в клуб, расставивший свои аванпосты по всему миру. В любой стране мира тебя ждали единомышленники и товарищи (пока что-то не выходило из строя и партия не решала от тебя избавиться). Кембриджские шпионы 1930-х годов и большинство джихадистов-европейцев в XXI веке приобщались к радикальным движениям вместе со сверстниками. Многих завербо-

¹⁸⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 137.

¹⁸⁹ GB22–23.

¹⁹⁰ Блейк, выступление в Штази, 1981.

¹⁹¹ Блейк, выступление в Штази, 1976.

¹⁹² Блейк, выступление в Штази, 1977.

¹⁹³ Кнорр. G. *Top-Spione*. P. 134.

¹⁹⁴ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁹⁵ Cookridge, George Blake, стр. 94–104.

¹⁹⁶ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

¹⁹⁷ GB24.

вали близкие друзья, любовники, братья или сестры. Однако Блейк в Корее был коммунистом-одиночкой без «ячейки».

Тогда, в 1951 году, коммунизм уже не был столь модным веянием, как в 1930-е. С другой стороны, он завоевывал все новые территории: коммунистические режимы недавно захватили Китай и Восточную Европу.

Став коммунистом, Блейк решил, что у него три варианта действий в случае освобождения из плена и возвращения в Британию: 1) уйти из СИС и найти новую работу; 2) вступить в коммунистическую партию и продавать на улицах по воскресеньям партийную газету *Morning Star* или 3) стать советским двойным агентом. Третий вариант, решил он, принесет наибольшую пользу в борьбе за правое дело¹⁹⁸.

Как-то вечером осенью 1951 года Блейк тайно передал записку на русском языке начальнику северокорейского лагеря по прозвищу Жирдяй, адресованную в советское посольство. Он перебежал на сторону врага. «Я должен вам честно сказать, – признавался он в Штази, – что это решение далось мне очень нелегко. Но я чувствовал, что должен так поступить»¹⁹⁹.

По вполне понятным причинам Блейк никогда не раскрывал подробностей внутренних дел КГБ. Даже обращаясь к агентам Штази за закрытыми дверями, о своей вербовке он сказал: «Было бы слишком долго рассказывать вам, как мы это сделали»²⁰⁰. Как бы то ни было, его прием в КГБ, возможно, был более двунаправленным процессом, чем он когда-либо признавал или даже осознавал. В 1951 году, после того как многие агенты предыдущего поколения были зачищены Сталиным, СССР выискивал на Западе новых агентов. Заслугу за вербовку Блейка часто приписывают молодому офицеру КГБ Николаю Лоенко. Хотя его имя в автобиографии Блейка не фигурирует, в КГБ Лоенко прославится как «крестный отец Блейка». Работая во Владивостоке, он в северокорейский лагерь прибыл под видом офицера советской армии. Лоенко встретился со всеми британскими заключенными, взвесил, кто из них способен на измену, и ухватился за Блейка²⁰¹. В 1976 году пятидесятилетний агент КГБ погиб в автокатастрофе, но в 1992 году его рассказ о вербовке Блейка вспомнил генерал КГБ К. А. Григорьев. Лоенко тогда рассказывал (по словам Григорьева): «Джордж выделялся на фоне разношерстной публики в лагере; он был умен и приковывал внимание. Я нутром чуял, что здесь есть над чем поработать. Требовался лишь предлог, чтобы установить с ним контакт».

Лоенко (гурман, страдавший ожирением²⁰²) в деталях рассказал Григорьеву, как переманил Блейка: «Я принес ему хлеб, консервы, шоколад. С тех пор я был уверен, что путь к сердцу шпиона лежит через желудок». Более того, Лоенко хвастал, что усыпил бдительность Блейка умной беседой: «Ни до, ни после этого я не рассказывал столько историй. Пришлось откопать даже те, что я помнил со школы. Так, слово за слово, дело потихоньку двигалось к серьезному разговору, когда англичанин сделал свой выбор»²⁰³. Лоенко попросил потом Блейка записать все, что тот знал об устройстве СИС, и сравнил это с версией, представленной КГБ другим перебежчиком, Кимом Филби. Версии совпали²⁰⁴. В СССР решили, что Блейку доверять можно.

В истории радикализации Блейка (как мы теперь будем ее называть) Лоенко, возможно, оставалось лишь слегка подтолкнуть его к решающему шагу. Однако сотрудник КГБ – последнее звено в целой цепочке событий, подготовивших Блейка к пути советского двойного агента: крах на Уолл-Стрит 1929 года, который ударил по бизнесу его отца; коммунистические речи,

¹⁹⁸ Блейк, выступление в Штази, 1976.

¹⁹⁹ Блейк, выступление в Штази, 1981.

²⁰⁰ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

²⁰¹ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 131–133.

²⁰² Helen Womack, 'British Traitor George Blake «Hooked by KGB Sweets»', *Independent*, 18.04.1992.

²⁰³ Unsigned, 'Food Won Spy, ex-KGB Man Says', *Reuters*, 19.04.1992.

²⁰⁴ Vogel S. *Betrayal in Berlin* 47.

которые он слышал от кузена Анри в Каире; подпольная работа в голландском Сопротивлении и в британской разведке; разлука с родиной в военное время, которая открыла перед ним новые ориентиры; изучение русского языка в Кембридже; неожиданно убедительный справочник СИС о коммунизме²⁰⁵; нищета, которую он видел в Египте и Корее; его ненависть к южнокорейскому режиму; «летающие крепости», которые уничтожали корейские деревни; и презрение к «мягкотелым» американским военнопленным²⁰⁶.

Во Второй мировой войне Блейк участвовал в смертельной схватке добра со злом, а противостояние коммунизма и капитализма виделось ему ее продолжением. В северокорейском плену коммунизм «придавал ему силу, укреплял дух, надежду и помогал остаться в живых», утверждал его адвокат Джереми Хатчинсон на суде в Лондоне в 1961 году.

На той ферме в Северной Корее двадцативосьмилетнему моралисту Блейку с его абстрактным мышлением требовались новые идеалы. Все его прежние опоры рухнули. Он потерпел поражение как офицер СИС, лишился Голландии, отрекся от кальвинизма и был космополитом в свободном плавании. Его самоопределение менялось вместе с обстоятельствами.

Коммунизм был просто создан для него. Как кальвинист, он верил, что все в жизни предопределено; оставалось лишь поверить в предопределенность истории. Пусть веру в божественное происхождение Христа он утратил, но не расстался с идеей «справедливого царствия Господня»²⁰⁷. Показное богатство кальвинисты осуждали, коммунисты – тоже.

В Москве я предположил: «Вы заменили религию коммунизмом». Я думал, он станет возражать, но он сказал: «Да, это очевидно. Религия сулит людям своего рода коммунизм после смерти. Ведь на небесах мы все равны и все купаемся в благодати. А коммунизм обещает людям благодать здесь, на земле, – но и из этого тоже ничего не вышло».

Был ли коммунизм для него такой же верой, как прежде религия?

«Наверное», – отвечал Блейк²⁰⁸. Из двух его конфессий христианство, кажется, оставило более глубокий след. Коммунистических клише он так и не освоил. В преклонном возрасте он в первую очередь вспоминал Библию и теологию. В 1961 году в эссе, обращенном к лондонскому суду, где он объяснял причины предательства, свое душевное состояние в корейском плену Блейк описывал, прибегая скорее к духовному, нежели к политическому языку:

Я глубоко осознал тленность человеческого бытия и много размышлял о том, чего успел достичь в собственной жизни. Я понимал, что в ней не хватало цели, что я гнался преимущественно за удовольствиями, тешил честолюбие... Тогда я решил посвятить оставшуюся жизнь достойным, как мне казалось, идеалам²⁰⁹.

Как и многие современные джихадисты, Блейк был юным набожным предателем, питавшим отвращение к западным излишествах (в том числе и к собственным). Как и они, он отрекся от распущенности и «удовольствий» в борьбе за общее благо. Честолюбивому человеку его времени КГБ виделся эксклюзивным клубом, изменявшим мир. Аналогичным образом и сегодняшние западные новобранцы ИГИЛ уверены, что вступают в «маленькое братство супергероев», пишет Оливье Руа²¹⁰. Еще одно сходство с джихадистами: свои коммунистические взгляды Блейк должен был хранить в тайне. Он так и не вступил в коммунистическую партию ни в одной стране мира. Свои убеждения он намеревался воплощать лишь в шпионской работе.

²⁰⁵ Blake G. *No Other Choice*. P. 110.

²⁰⁶ Olink H. *Meesterspion George Blake*. Часть 2.

²⁰⁷ Joanne Levine, 'Former Double Agent Left Out in the Cold', *St Petersburg Times*, 14.07.1992.

²⁰⁸ GB21.

²⁰⁹ Blake G. *No Other Choice*. P. 126.

²¹⁰ Kuper S. 'From Cambridge Spies to Isis Jihadis' // *Financial Times*. 2016. April 1.

Сэр Дик Уайт, возглавлявший и МИ-5, и МИ-6, гораздо резче высказывался о мотивах Блейка. «Нормальный человек не станет предателем», – гласила одна из его максим²¹¹. Биографу Блейка Тому Бауэру он говорил: «Блейк считал, что его бросили, что его ни в грош не ставят, и хотел доказать, на что он способен»²¹². Шон Берк, организатор побега Блейка из тюрьмы и будущий сосед по московской квартире, пока они не разругались, солидарен с Бауэром: «Без КГБ он был просто слабым, ничтожным человечком. Блейк любил строить из себя бога. Многие годы он использовал КГБ в собственных корыстных интересах: чтобы вершить судьбы других людей»²¹³.

Я спрашивал Блейка, не смущало ли его, когда он переходил на сторону СССР, знание о сталинских чистках – к 1951 году на Западе это уже был не секрет. Нет, отвечал он, потому что преемник Сталина Никита Хрущев разоблачил чистки. «Их уже осудили, причем сделали это сами коммунисты», – говорил он.

Это редкий и красноречивый случай, когда он допустил хронологическую ошибку: Хрущев осудил Сталина на Съезде партии лишь в 1956 году, спустя пять лет после того, как Блейк решил работать на СССР. Почти все рассказы Блейка о своей жизни вполне последовательны и легко доказуемы. Однако тут, похоже, отчаянное стремление казаться достойным человеком не позволяло ему признать, что в 1951 году он встал на сторону массового убийцы. Нет ничего удивительного, что Блейк оказался одним из последних граждан Запада, вступивших в КГБ по идеологическим причинам, а не ради денег и не в результате шантажа²¹⁴.

Существует альтернативная гипотеза о его решении стать советским шпионом: якобы его к этому вынудили. В автобиографии он рассказывает о ночи, когда пытался сбежать из плена. Его поймал северокорейский солдат и до утра продержал в погребе. Потом его вернули на ферму, где разъяренный майор читал заключенным нотации о том, чем карается побег, но Блейку позволили вернуться к товарищам. Сам он считал, что руководство лагеря не решалось нести ответственность за казнь британского дипломата²¹⁵. Другие же полагали, что Блейк пообещал сотрудничать с северокорейцами в обмен на жизнь²¹⁶. Филип Дин вспоминал: «Блейк на некоторое время исчез. И мы гадали, что с ним произошло. Когда он вернулся, то выглядел так, будто его кормили лучше, чем обычно [смеется], был чище одет, и мы недоумевали, где же он пропадал. Он сказал, что пытался сбежать, заблудился, и его схватили»²¹⁷.

Мы не знаем, принуждали ли Блейка к предательству. Не известно никаких доказательств, которые бы говорили в пользу этой теории. Сам Блейк всегда это отрицал, и, думаю, он говорил правду. То, что, решив стать перебежчиком, он руководствовался исключительно своими принципами – версия, которой он придерживался десятки лет, – вполне похоже на правду.

²¹¹ Bower T. *The Perfect English Spy*. P. 272.

²¹² Bower T. *The Perfect English Spy*. P. 261.

²¹³ Bourke S. *The Springing of George Blake*. P. 278.

²¹⁴ Codevilla A. *KGB: The Inside Story*, by Christopher Andrew and Oleg Gordievsky. Commentary. 1991. 1 февраля.

²¹⁵ Blake G. *No Other Choice*. P. 129–131.

²¹⁶ Carey G. *George Blake*.

²¹⁷ Shiff E., Stein D. *George Blake, Master of Deception. Episode 7 of Betrayal*. Associated Producers, 2004.

Глава 7. Обеденный шпион

В марте 1953 года умер Сталин. Отношения между советским блоком и Западом стремительно улучшались²¹⁸, и Блейка с его сокамерниками скоро освободили. Коммунистические державы устроили им роскошное путешествие домой: на первом же промежуточном пункте за пределами Северной Кореи, в китайском пограничном городе Даньдун, «бывшие пленники нежились в чудесной городской бане, надраивая себя душистым мылом и радостно напевая детские песенки», пишет Фогель²¹⁹. 22 апреля вся британская группа приземлилась в Эбингдоне на самолете Королевских ВВС. Собравшаяся на аэродроме толпа встретила их гимном «Восхвалим мы Творца»²²⁰. Блейку слышалась в этих словах «невероятная ирония. Мало кому захочется сказать спасибо за мое возвращение. Я понимал: я уже совсем не тот человек, которого они ждали»²²¹.

Но, как и остальных членов группы, Блейка встречали как героя. В телехронике видно, как он, улыбаясь, спешно спускается по трапу самолета – франт с заостренной бородкой и в элегантном пиджачке. Он машет рукой, затем направляется к матери и целует ее в обе щеки, как это принято в Европе.

Телерепортер задерживает его вопросом: «Как вас там кормили, мистер Блейк?» С характерным для середины XX века кембриджским выговором, быть может, специально, чтобы аристократичнее выглядеть на телеэкране, Блейк отвечает: «Ну, кормили *достаточно*, но весьма однообразно». Журналист настаивает: «А не было ли каких-то странных продуктов?» Блейк не увиливает: «Нет, в основном только рис и репа»²²².

Хотя двумя годами ранее Берджесс и Маклин разоблачили себя, сбежав в СССР, в СИС, похоже, никому в голову не приходило, не переманили ли Блейка в плену на сторону противника. Его с радостью встретили на службе после всего пары дней формальных опросов²²³, после чего отправили на несколько месяцев в отпуск. В сентябре 1953 года он начал работать в лондонском отделении службы по адресу Карлтон-Гарденз, 2, в роскошной усадьбе с лепниной, где в Первую мировую войну недолго размещался лорд Китченер. Во Вторую мировую войну ее сильно разбомбили²²⁴, но здание осталось излюбленным местом элитных шпионов: оно располагалось в укромном уголке с видом на Мэлл, при этом до клубов и пивных Вест-Энда было рукой подать.

В Корею Блейк нахватался категорически небританских привычек. Еще в плену он взял обыкновение дремать после обеда, а по офису любил расхаживать босиком. Кукридж, по-видимому, имевший надежные источники в СИС эпохи Блейка, рассказывает: «Порой он разувался, снимал носки и ковырялся в пальцах, что многие находили „чрезвычайно отвратительным“ и списывали на иностранное происхождение Блейка»²²⁵. Тем не менее его считали, как писал Джон Ле Карре, «героем, освобожденным из северокорейского плена, и гордостью Британской секретной службы»²²⁶.

²¹⁸ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 136–138.

²¹⁹ Vogel S. *Betrayal in Berlin*. P. 79.

²²⁰ Blake G. *No Other Choice*. P. 152.

²²¹ Knopp G. *Top-Spione*. P. 133.

²²² Carey G. *George Blake*.

²²³ Vogel S. *Betrayal in Berlin*. 84

²²⁴ Hermiston R. *The Greatest Traitor*. P. 150.

²²⁵ Cookridge E. H. *George Blake: Double Agent*.

²²⁶ le Carré J. «*Fifty Years Later*» *The Spy Who Came In from the Cold*. London, 2014. P. 280.

Однако он был еще и агентом КГБ под кодовым именем Диомид (Алмаз)²²⁷. Начиная с 1953 года и далее он не покладая рук работал одновременно на две спецслужбы. По словам Ле Карре, обе стороны «считали [его] весьма ценным кадром»²²⁸. В другой книге, в пассаже, который следует сразу за отступлением про Блейка, Ле Карре объясняет:

Если затаившийся предатель, с одной стороны, будет из кожи вон лезть, чтобы подорвать работу собственной службы, с другой – он постарается сделать там успешную карьеру, продумывая удачные ходы и эффектные тактики, без которых ее не оправдать, да и в целом выдавая себя за способного, надежного малого, доброго путника в ночи²²⁹.

Говоря словами Клема Сесила, Блейк стал «обеденным шпионом»²³⁰. Как только он оказывался предоставлен самому себе в Карлтон-Гарденз, пока его коллеги выходили куда-нибудь пообедать, он брал свой миниатюрный фотоаппарат «Минокс» и спокойно снимал британские документы. Годы спустя на вопрос о шпионской романтике бондианы он отмечал: «Смею вас заверить, нет ничего романтического в том, чтобы целый день ходить с примотанным между ног фотоаппаратом»²³¹.

Для КГБ Диомид был идеальным агентом. Он был профессионален, ангажирован и работал в самом центре вражеской территории. Его интересовали не деньги, а коммунистические идеалы, поэтому искушения подделать или приукрасить недостоверные сведения, чтобы выгодно их продать, у него не было. СИС неосмотрительно предоставляла ему обширнейший доступ к материалам, о чем можно судить по его дальнейшим заявлениям, что он выдал сотни агентов службы.

В КГБ его ценили столь высоко, что в Лондон был направлен сотрудник, основной задачей которого было курировать Блейка. Сергей Кондрашов, владевший английским, немецким и французским языком, поступил на службу в КГБ в 1944 году. При приеме на работу он рассказал – как на духу, – что его родители – обычные московские конторские служащие, но не упомянул, что некоторые его предки были когда-то богатыми помещиками. Всю свою карьеру в КГБ (которая продлится до 1992 года) Кондрашов беспокоился, что тайну его происхождения однажды раскроют.

В своей деятельности он сопровождал иностранных гостей в поездках по СССР, приглядывал за советскими писателями и допрашивал обреченного шведского героя войны Рауля Валленберга²³² в тюрьме (хотя кто он, Кондрашов узнал лишь много позже)²³³.

Лондон стал его первой иностранной командировкой. Кондрашов готовился, штудировав карты города и изучая досье КГБ на Блейка. Он носил серые фланелевые брюки и синие блейзеры – то ли чтобы не слишком выделяться в Британии, то ли ему просто нравился такой

²²⁷ Это значение Саймон Купер приписывает кодовому имени Блейка еще с момента публикации своей статьи о нем в газете *Financial Times*, по-видимому, руководствуясь ложной этимологией по созвучию с английским существительным *diamond*. На самом же деле Диамид – мужское имя, восходящее к древнегреческому Διομήδης. – Прим. пер.

²²⁸ le Carré J. *The Pigeon Tunnel: Stories from My Life*. London, 2016. [Ле Карре. *Голубиный тоннель. Истории из моей жизни*. Пер. Л. Трониной. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.]

²²⁹ le Carré J. *Tinker, Tailor, Soldier, Spy*. London, 2011.

²³⁰ Клем Сесил взял у Блейка в Москве интервью для газеты *Times*, оно было опубликовано 14 мая 2003 года под заголовком *How I Became a Lunchtime Spy* («Как я стал обеденным шпионом»). – Прим. пер.

²³¹ Randle M., Pottle P. *The Blake Escape*. P. 156.

²³² Рауль Валленберг – шведский дипломат, в 1944 году отправившийся служить в посольство Швеции в занятом нацистами Будапеште. Здесь он выдавал венгерским евреям шведские паспорта, спасая их тем самым от отправки в концентрационные лагеря. По разным данным, он спас от нескольких десятков до ста тысяч евреев. В январе 1945 года, после того как Будапешт заняли советские войска, Валленберг был арестован и этапирован в Москву. Здесь он содержался в тюрьме на Лубянке, где, судя по всему, через некоторое время был убит. – Прим. пер.

²³³ Bagley T. H. *Spymaster: Startling Cold War Revelations of a Soviet KGB Chief*. New York, 2015.

стиль²³⁴. В Лондоне для прикрытия он занимал должность первого секретаря посольства СССР по культурным связям. Он сопровождал приезжавших сюда советских скрипачей и шахматистов, покупал билеты на спортивные мероприятия для советских сановников и попутно общался с большинством британских двойных агентов того времени²³⁵. Алистер Уотсон, коммунист, выпускник Кембриджа, который был как минимум знаком с рядом агентов КГБ, вспоминал: «Терпеть не мог этого типа. Ужасный мещанин, да еще и с пуделем»²³⁶.

Первая лондонская встреча Кондрашова с Блейком произошла в один туманный октябрьский вечер 1953 года. По пути к условленному месту в Белсайз-Парк Блейк испугался, заметив поджидавший на углу полицейский автомобиль, и готов был уже развернуться, но, к счастью, оказалось, что полиция караулит там какого-то преступника²³⁷. Встреча состоялась, и Блейк дебютировал блестяще: он передал полные сведения прослушки телефонов и жучков, установленных СИС для перехвата советских переговоров в Вене и по всей Западной Европе²³⁸. Блейк отмечал, что Кондрашов, «само собой», остался доволен. Качество материалов почти гарантировало, что Блейк вовсе не подсадная утка британцев и всерьез работает на КГБ. «Английские спецслужбы вряд ли допустили бы передачу таких сведений»²³⁹.

Кондрашов позже вспоминал: «Мы были потрясены, как глубоко британцам удалось внедриться со своей прослушкой в наши тайны»²⁴⁰. После окончания холодной войны он рассказывал своему бывшему коллеге из ЦРУ Тенненту «Питу» Бэгли, что благодаря Блейку в КГБ поняли, «насколько недооценили угрозу технического проникновения в свои официальные зарубежные представительства и какими утечками чреваты эти прослушки и жучки». По словам Кондрашова, это вдохновило Советы «развивать собственный потенциал – рыть собственные тоннели»²⁴¹.

В чем-то отношения между шпионом и куратором интимнее брака. В те годы Кондрашов был единственным собеседником Блейка, который знал о нем правду, и единственным, кому он мог эту правду рассказать. Стоило Кондрашову оступиться – и остаток своей жизни Блейк провел бы в тюрьме. Раз в три недели они встречались в лондонских автобусах или на пригородных улочках, где Блейк передавал куратору свою добычу²⁴². Всякий раз, когда очередные данные венской прослушки отправлялись в британские и американские службы, одну копию с пометой «Экземпляр для Москвы» Блейк передавал и Кондрашову²⁴³.

Блейк постоянно подвергал себя огромному риску. «Контакт, – говорил он, выступая в Штази, – всегда один из наиболее опасных моментов в жизни шпиона»²⁴⁴. В КГБ считали (и, возможно, не ошибались), что некоторые таксисты и постовые в Лондоне были глазами и ушами МИ-6. Однажды, после того как Блейк не появился на запланированной встрече, а потом пропустил и согласованную запасную, Кондрашов не на шутку разволновался: «Понять это способен только агент спецслужб или родитель». До окончательной контрольной явки – на оговоренных местах в лондонском кинотеатре – оставался еще месяц. Когда Блейк появился, Кондрашов «облегченно вздохнул», с профессиональным сочувствием пишет Бэгли²⁴⁵. При

²³⁴ Stafford D. *Spies beneath Berlin* London, 2003. P. 76.

²³⁵ Stafford D. *Spies beneath Berlin* London, 2003. P. 76.

²³⁶ Pincher Ch. *Too Secret, Too o Long*. New York, 1984. P. 371.

²³⁷ Operation «Gold» und andere...', Neues Deutschland.

²³⁸ Blake G. *No Other Choice*. P. 17–18.

²³⁹ Блейк, выступление в Штази, вероятно, 1980.

²⁴⁰ Franchetti M. *Revealed – Blake's Bus Ride of Betrayal* // Sunday Times. 1999. November 14.

²⁴¹ Bagley T. H. *Spymaster*.

²⁴² Блейк, выступление в Штази, 1976.

²⁴³ Блейк, выступление в Штази, 1976.

²⁴⁴ Operation «Gold» und andere ...', Neues Deutschland.

²⁴⁵ Bagley T. H. *Spymaster*.

этом куратору всегда казалось, что Блейк спокоен и не теряет самообладания: «Я не припомню, чтобы при мне он хоть раз сильно разволновался»²⁴⁶.

Василий Дождалев, другой куратор, долгое время работавший с Блейком, вспоминал, как тот сообщил сведения о намерении некоего советского дипломата перебежать на сторону противника. Проведя расследование, КГБ пришел к выводу, что донесение – фальшивка. По версии Дождалева:

Было очевидно, что британцы хотят испытать Блейка. Я сказал ему: «Они хотят проверить, не шпион ли ты». Он умолк, но не подал вида, что испугался. И мы совершенно спокойно планировали дальше наше будущее сотрудничество. Человек менее отважный предложил бы приостановить работу или отказался бы от нее. Но Джордж продолжил трудиться, в полной мере осознавая угрозу²⁴⁷.

Блейк, в свою очередь, восхищался профессионализмом своих кураторов из КГБ. Его поразило, что, хотя у СИС в Лондоне было помещение напротив советского посольства и служба фотографировала каждого, кто входил в здание и выходил из него, на встречи со своим агентом сотрудники КГБ умудрялись проскользнуть незаметно. Блейк также рассказывал Штази: «Должен сказать – и да простят меня наши друзья в России, – что, пусть русские и не славятся пунктуальностью, советские товарищи из КГБ всегда появлялись на месте с точностью до минуты». Сидевшие в зале немцы прыснули от смеха²⁴⁸.

С 1953-го и до своего разоблачения в 1961 году Блейк передавал КГБ любые сведения, которые только попадали ему в руки. ЦРУ в 1996 году утверждало: «Согласно подсчетам США, он снабдил Советов документальными материалами объемом в 4720 страниц»²⁴⁹. Часть этих материалов могла использоваться для шантажа²⁵⁰. Из некоторых переданных им документов у СССР складывалось представление о позиции Великобритании в переговорах на международных саммитах второй половины 1950-х²⁵¹.

Главная же его вина состоит в том, что он сдал КГБ имена сотен агентов британской разведки. Имена едва ли не всех британских бизнесменов, туристов, студентов и журналистов (Би-би-си и не только), которых МИ-6 завербовала шпионить за советским блоком, оказались раскрыты даже до того, как те прибыли на место²⁵². Намного большая угроза состояла в том, что Москва была осведомлена также обо всех местных агентах, завербованных британской спецслужбой в Восточной Европе, – людях, рисковавших за железным занавесом собственной жизнью. Вот отрывок из интервью Блейка Тому Бауэру на Би-би-си в 1990 году:

²⁴⁶ Stafford D. *Spies beneath Berlin*. P. 78.

²⁴⁷ Knopp G. *Top-Spione*. P. 159.

²⁴⁸ Блейк, выступление в Штази, 1976.

²⁴⁹ Matschulat A. B. *Coordination and Cooperation in Counterintelligence*. CIA Historical Review Program, 02.07.1996: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/v0113n02/html/v13i2a05p_0001.htm.

²⁵⁰ Evans M. *Macmillan Struck Secret Deal to Jail Blake for 42 Years* // The Times. 1995. March 9.

²⁵¹ Wirth F. *Noch immer keine Spur von George Blake...* // Welt am Sonntag. 1967. August 20.

²⁵² Dorril S. *George Blake exemplified the desolation, waste and treachery of the Cold War* // Guardian. 2020. December 27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.